

В. А. Томсинов

**ЦАРЬ ФЕДОР АЛЕКСЕЕВИЧ
как государственный
деятель и человек**

Опубликовано в издании:

Законодательство царя Федора Алексеевича: 1676–1682 годы.

Законодательство царей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича:

1682–1696 годы / Составитель и автор вступительных статей

В. А. Томсинов. М.: Зерцало, 2012. С. X–LXIII.

ЦАРЬ ФЕДОР АЛЕКСЕЕВИЧ как государственный деятель и человек

Федор Алексеевич вступил на царский престол 30 января 1676 года, после смерти своего отца царя Алексея Михайловича. В разрядных книгах Приказа Большого Дворца¹ данное событие было описано следующим образом: «В нынешнем во 184 году², января против 30 числа, в 4 часу ночи, с субботы на воскресенье, изволением всеильного Бога, Великий Государь Царь и Великий Князь Алексей Михайлович, всеа Великия и Малыя и Белья России Самодержец, оставя земное царство, отъиде в вечное блаженство небесного царствия. А отходя сего света, блаженной памяти он, Великий Государь, скипетродержавство свое, Московское, и Киевское и Владимирское Государство, и всеа Великия и Малыя и Белья России державу пожаловал, приказал и на свой Государского Величества престол благословил сына своего государева, благоверного Государя Царевича и Великого Князя Феодора Алексеевича, всеа Великия и

¹ Приказ Большого Дворца возник еще в правление Ивана III. Из описания этого учреждения в трактате Г. К. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича» видно, что оно ведало сбором податей с дворцовых сел и черных волостей, с посадских людей, таможен, мельниц, с рыбных и других угодий, управляло придворным хозяйством, обеспечивало царский дворец продовольствием и дворцовых слуг жалованьем. Часть собранных в данном Приказе денежных средств тратилась на церковные строения и монастыри, шло на содержание тюрем и милостыни нищим (см.: *Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. М., 2000. С. 110–112*). Вместе с тем Приказ Большого Дворца выполнял некоторые функции царской канцелярии: он ведал печатью, рассылал царские указы, принимал челобитные в адрес царя. В рамках этого Приказа велись летописи деяний царя, его распоряжений и важнейших событий, происходивших в царском дворце — так называемые «разрядные книги». Часть их, охватывающая период с 1612 по 1701 г., была издана в 1850–1855 гг. в четырех томах под общим наименованием «Дворцовые разряды».

² То есть в 7184 году от сотворения мира, что соответствует 1676 году от Рождества Христова.

Малыя и Белья России, бытии Великим Государем Царем и Великим Князем, всеа Великия и Малыя и Белья России Самодержцем. И, по благословения и по приказу отца его государева, блаженной памяти Великого Государя Царя и Великого Князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья России Самодержца, в духовном чину отец его государев и богомолец, великий господин святейший Иоаким, патриарх Московский и всеа России, со всем освященным собором его Великого Государя Царя и Великого Князя Феодора Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья России Самодержца, на его царский престол благословил. И за Божию помощь он, Великий Государь и Великий Князь Федор Алексеевич, всеа Великия и Малыя и Белья России Самодержец, учинился на Московском и на Киевском, и на Владимирском Государстве. и на всех великих преславных Государствах Российского Царствия Великим Государем Царем и Великим Князем, всеа Великия и Малыя и Белья России Самодержцем»¹.

Федор Алексеевич был третьим сыном царя. Первым ребенком в семье Алексея Михайловича и его супруги Марии Ильиничны Милославской был Дмитрий, не переживший своего младенчества: он родился 22 октября 1648 года, а умер 6 октября следующего года. 5 февраля 1654 года появился на свет Алексей Алексеевич, который пережил детство, получил основательное образование и подавал большие надежды, но 17 января 1670 года внезапно скончался. Наследником престола был объявлен следующий сын царя Алексея Михайловича и Марии Милославской — Федор Алексеевич, родившийся 30 мая 1661 года². В момент вступления на царский престол ему не исполнилось еще и 15 лет.

¹ Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II-м Отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Том 3. (С 1645 по 1676 г.). СПб., 1852. Стлб. 1635–1636.

² Сохранилась грамота царя Алексея Михайловича, направленная 1 июня 1661 г. в Пермь, воеводе Наумову: «В нынешнем во 169 году (7169 г. от сотворения мира. — В. Т.) мая в 30 день, за молитв Святых отец, Бог простил Царицу Нашу и Великую Княгиню Марью Ильиничну; а родила Нам сына Царевича и Велико-го Князя Федора Алексеевича всея Великия и Малыя Руссии, а именины ему июня 8 числа. И как к тебе ся Наша, Великого Государя, грамота придет: и ты бы велел собрать в съезжую избу всяких чинов служилых людей и Нашу Великого Государя радость им сказать» (1-ПСЗРИ. Том 2. № 298. С. 530–531). 8 июня — это день великомученика Феодора Стратилата, пострадавшего 8 февраля в 319 г. в г. Геракле (Понт) за имя Христово. 8 июня его мощи были перенесены в город Евхайты

Какой-то рок или наследственная болезнь преследовали всех сыновей царя Алексея Михайловича, рожденных Марией Милославской. Симеон, которого она родила в апреле 1656 года, умер в июне 1669 года. Последний ее сын — Иоанн, появившийся в августе 1666 года, прожил 29 лет и пять месяцев; 15 лет он был царем, но при этом страдал слабоумием.

Федор Алексеевич также не отличался здоровьем¹, но зато обладал сильным природным умом, который сумел развить чтением книг. Историк русской церкви Е. А. Болховитинов (митрополит Евгений) во втором томе своего «Словаря исторического о бывших в России писателях духовного чина» писал, что царь Алексей Михайлович препоручил воспитание своего сына Федора духовному писателю Симеону Полоцкому², бывшему дидакалу православной братской школы в Полоцке, обосновавшемуся с 1664 года в Москве. Никаких документов о том, что именно Симеон Полоцкий являлся учителем царевича, не сохранилось: на это указывают лишь косвенные признаки — например, знание Федором Алексеевичем латинского и польского языков. Однако если действительно у царевича был такой учитель, то можно с уверенностью сделать вывод о том, что образование он получил весьма ограниченное, не подходящее для

(в северной части Малой Азии, близ Гераклеи), в котором он родился (см.: Жития Святых, на русском языке изложенные по руководству Четых-миней Св. Дмитрия Ростовского. Кн. 10. М., 1913. С. 150–152).

¹ По некоторым данным, Федор унаследовал от своего отца болезнь, при которой организм утрачивал способность усваивать витамин «С», следствием чего была хроническая цинга. Но несмотря на болезнь Федор Алексеевич во все свое недолгое царствование сохранял ясность ума и желание принести благо России. И. И. Голиков писал об этом: «Довольно к славе сего государя сказать, что он, быв от юности весьма слабого сложения, страдал всегда цинготною скорбью; однакож неусыпное его о благе отечества попечение и толь многое в пользу оного им устроенное доказывает, что дух его не был побеждаем болезнями, и что любил он отечество свое и подданных более, нежели себя самого» ([Голиков И. И.] Дополнение к Деяниям Петра Великого. Том 3. М., 1790. С. 193).

² [Митрополит Евгений (Болховитинов)]. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-российской церкви. Том 2. Издание второе, исправленное и умноженное. СПб., 1827. С. 210. В. Н. Татищев в своем наброске истории правления царя Федора Алексеевича утверждал, что «сей государь при отце своем учен был в латинском языке старцем Симеоном Полоцким» и что «чрез показание оного учителя великое искусство в поэзии имел и весьма изрядные вирши складывал» (Татищев В. Н. Царство царя Федора Алексеевича // Татищев В. Н. История Российская. В 3-х томах. Том 3. М., 2005. С. 849–850).

русского государственного деятеля. Выпускник Виленской иезуитской академии, член греко-католического ордена святого Василия Великого Симеон Полоцкий¹ не знал и не любил ни русской истории, ни русских традиций. Он не обладал самостоятельным умом, а являлся всего лишь искусным компилятором и переводчиком западноевропейских духовных книг. По словам протоиерея Георгия Флоровского, «Это был довольно заурядный западно-русский начетчик, или книжник, но очень ловкий, изворотливый и спорый в делах житейских, сумевший высоко и твердо стать в озадаченном Московском обществе (он является здесь в 1664-м году), вернее при Московском дворе, как пиит или виршеслагатель, как ученый человек для всяких поручений. Сперва он учил приказных „по латиням“, по неизбежному Альвару, — потом стал учителем царевичей, Алексея и Феодора. Он составлял речи для царя, писал торжественные объявления. Ему было поручено „соорудить“ деяния соборов 1666–1667 годов. Ему поручали переводить полемические трактаты Паисия Лигарида. Его собственная полемическая книга против раскольников, „Жезл правления“, вышла не очень удачной, — схоластические и риторические аргументы всего менее могли убеждать тех, для кого книга должна была быть написана. Полоцкий весь в напыщенности и высокомерии, риторичен, многословен. В этом отношении особенно характерны сборники его проповедей или поучений: „Обед душевный“ и „Вечеря душевная“, изданные уже после его смерти (1682–1683). По черновым рукописям Симеона можно проследить, как он перерабатывал западные книги. Вот несколько имен. Иоанн Меффрет, мейс-

¹ Сведения о мирском имени монаха Симеона не сохранились. Известно лишь, что отца его звали Емельян, а фамилия была Петровский-Ситнианович. Родился он в апреле 1629 г., по всей видимости, в Белоруссии. Духовное образование получил в Киево-Могилянской коллегии. Монашество и имя Симеон принял в возрасте 27 лет в Полоцком Богоявленском братском монастыре. 5 июля 1656 г. царь Алексей Михайлович, направляясь к русскому войску, стоявшему под Ригой, остановился в Полоцке на 10 дней. Возвращаясь из-под Риги в Москву, государь 12 октября того же года снова посетил Полоцк. В одно из этих посещений его величество побывал в местном Богоявленском монастыре. Симеон, преподававший в училище при монастыре, преподнес Алексею Михайловичу свое сочинение «Метры на пришествие великого государя царя Алексея Михайловича в граде Полоцке в 164 году» (т. е. в 7164 г. от сотворения мира). Так монах сделался известным русскому царю. Это помогло ему впоследствии сделать карьеру при царском дворе. В Москву Симеон Полоцкий прибыл примерно в августе 1664 г. и уже осенью того же года был назначен царским указом учителем для обучения подьячих Тайного приказа латинскому языку.

сенский, проповедник XV-го века, — его книгу о Церкви, *Hortulus reginae*, царь Алексей дал для перевода старцу Арсению Сатановскому еще в 1652-м году; Иоанн Фабер, венский епископ начала XVI-го века, писавший против Лютера, *malleus haereticorum*; Иоанн Картагена, испанский богослов XVI-го века, писавший о таинствах христианской веры; Беллармин, Герсон, Бароний, Петр Бессий, Сальмерон, Иоанн Пинеда... По латинским книгам Симеон составлял и свои учебные книжки»¹.

Что полезного мог дать такой учитель русскому царевичу, кроме знания латинского и польского языков? К счастью, образование, полученное Федором Алексеевичем, не затуманило в нем живого разума и интереса к русской старине. Став царем, он повелел ученым дьякам составить книгу истории России. И такая работа велась: достоверно известно, что кто-то из дьяков начертал предисловие к этой книге и собрал выписки из польских историков о происхождении русского народа. Их тексты сохранились в приложении к манускрипту Степенной книги, который принадлежал Алексею Тимофеевичу Лихачеву (ок. 1635 – ок. 1729). При царе Алексея Михайловича он являлся наставником его сыновей — Алексея и Федора, в начале правления царя Федора Алексеевича имел чин «стряпчего с ключем»², в 1680 г. был возведен в окольничие, как и его брат Михаил. Этот чин А. Т. Лихачев носил и в царствование Иоанна Алек-

¹ Флоровский Г. Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 75.

² Об этом свидетельствует документ под названием «Послужной список старинных Бояр и Дворецких, окольничих и некоторых других придворных чинов, с 6970 по 7184 (то есть с 1462 по 1676) год... Часть 6. Содержащая начало владения Государя Царя и Великого Князя Феодора Алексеевича», опубликованный в издании: Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российской касающихся, изданная Николаем Новиковым, членом Вольного Российского собрания при Императорском Московском университете. Издание второе. Часть 20. М., 1791. С. 131. На указанной странице записано: «Стряпчий с ключем Алексей Тимофеев сын Лихачов». Стряпчими в то время назывались должностные лица, которые какое-либо дело при царе исполняли («стряпали»). «Стряпчий с ключем» стоял над всеми стряпчими, он был выше и стольников, но ниже думных дворян. Чин «стряпчего с ключем» имел также и брат Алексея Лихачева Михаил Лихачев. Сохранилась запись о пожаловании Михаилу Тимофеевичу Лихачеву царем 5 ноября 1679 г. пищаля с позолоченным местами стволем. Она опубликована в приложении ко второй части книги В. Н. Берха «Царствование царя Федора Алексеевича» (СПб., 1835. С. 85).

сеевича и Петра Алексеевича¹. В 1691 году его определили «для присутствия в Оружейную палату»². Известно также, что чин окольничего А. Т. Лихачев продолжал носить и в 1705 году³.

В. Н. Татищев в «Предъизвещении о истории общественной и собственной о русской» писал: «Лихачев, бывший учитель Царя Феодора II жизнь оного Государя обстоятельно описал, которую я у него сам видел и читал, но после нигде достать ее и о ней наведаться не мог»⁴. Вполне возможно, что именно А. Т. Лихачев написал предисловие к книге по русской истории, которую поручал составить царь Федор Алексеевич⁵. Его содержание было посвящено главным образом значению истории для духовного развития человека и общества. «И хотя чрез многих вещей, искусств и учений к совершенству по-

¹ Об этом свидетельствует «Продолжение послужного списка старинных чиновников в России. Часть 7. При державе Великих Государей Царей и Великих Князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белья России Самодержца», также напечатанное в 20-й части «Древней российской вивлиофики». На стр. 424, в списке окольничих приводится и «Алексей Тимофеевич Лихачев».

² Голиков И. И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Издание второе. Том 13. М., 1840. С. 203.

³ «Хотя Петр Великий еще при конце прошедшего столетия оставил производить в прежние чины, однакож в 1705 году было их (окольничих. — В. Т.) 18 человек», — отмечает в своей книге И. И. Голиков и при этом приводит в сноске список тех, кто имел в то время этот чин. Среди них упоминается Алексей Тимофеевич Лихачев и его брат Михайло Тимофеевич Лихачев. См.: Там же. С. 196.

⁴ История российская с самых древнейших времен неусыпными трудами через тридцать лет собранная и описанная покойным тайным советником и Астраханским губернатором Васильем Никитичем Татищевым. Кн. 1. Часть 1. М., 1768. С. XIII.

⁵ В начале XIX в. в библиотеке библиофила, собирателя старинных рукописей и старопечатных графа Ф. А. Толстого хранился манускрипт под названием: «Книга Степенная, в 17 степенях; с прибавлением краткого известия о правлении Царя Федора Иоанновича и с выписками в начале из польских историков о происхождении народа русского. Рукопись скорописная конца XVII или начала XVIII века; на 693 листах». Данный манускрипт принадлежал, как показывает пометка, «окольничему Алексею Тимофеевичу Лихачеву». Перед выписками в нем шло предисловие к русской истории, написанное по поручению Федора Алексеевича. См.: Обстоятельное описание славяно-российских рукописей, хранящихся в Москве, в библиотеке тайного советника, сенатора, Двора Его Императорского Величества действительного камергера и кавалера графа Федора Андреевича Толстого. Издали К. Калайдович и П. Строев. С палеографическими таблицами почерков с XI по XVIII век. М., 1825. С. 154–155.

знаний и ведомость придет человеку, — отмечалось в нем, — однакож ничего так не украшает человека и душевно, и телесно, и всякое человеческое житие, и гражданское пребывание исправляет, и приведет его к ведомости всяких искусных дел и вещей и к совершенного человека, что история и для того пристойно от славного Кикерона (Цицерона. — В. Т.), именуется история учительницу житии и свет истинный. Також и Фукидид, премудрый еллинский историк, именовал историю вечное наследие, зане всегда разумные плоды и пребогатые рождает, и будучи в мире сем всегда тыеж советы и дела, пременение частое меж дел и начальств, а житие наше будучи краткое история научит нас искусством и случаем иных, прежде бывших, и сице от прешедших дел настоящее познаваем, а будущее разумом изобразует»¹.

Показав на многих примерах значение истории для образования человека, автор предисловия сообщил, что царь Федор Алексеевич «повеле² из всех историков древних и новых, не токмо словенских и русских летописцев, но и еллинских, и латинских, и польских собрать во единой исторической книге и делу, по обычаю историографов, наипаче из тех, что достовернее, откуда произведется народ Московской, и русской, и славенской, и какие их начала, и протчая, и потом по чину и по веком до сих времен что учинилось в российских государствах, и, по обычаю историков, всякие дела припоминати елико божественное, и елика гражданские, посольские и воинские, потому во всех народах, что есть на свете, книги и истории своего государства, и начала, и предки их, и произведение есть, от розных историков писаны, и в типографии преданы, только московской народ и российской историю общую от начала своего не сложили и не издано типографии по обычаю. И та есть всенародная польза, что не токмо самому себе, российскому народу, будет ведомость истинная о своих предках и о приключившихся дел при них и после них, но и иным народам будет познание и ведомость, и познание и оттуду и слава московскому и российскому народу, потому что многие ученые люди розных народов издавна желают таковые книги изданию, по-

¹ Предисловие к исторической книге, составленной по повелению царя Федора Алексеевича // *Замысловский Е. Е. Царствование Федора Алексеевича*. Ч. 1: Введение. Обзор источников. СПб., 1871. С. XXXVI–XXXVII.

² Так написано в цитируемом тексте.

тому что всякой народ про себя, и про дела свои, и про страну свою лучше умеют списати, нежели чужой»¹.

В описании славяно-российских рукописей, хранившихся в библиотеке графа Ф. А. Толстого, приводится манускрипт под названием «История, сиречь повесть или сказание о благочестивно державствующих и свято поживших боговенчанных Царех и Великих Князех, иже в Русьстей земле богоугодно державствующих наченше от святого и равноапостольного Вел. Князя Владимира Святославича, просветившего всю Рускую землю Святым крещением, и прочих, иже от него святого и праведного сродствия; также о Богом избранном и приснопамятнем Вел. Государе Царе и Вел. Князе Михаиле Федоровиче, всеа России Самодержце и о сыне его Государеве, о Богом хранимом и благочестивом, и храбром и хвалам достойном Вел. Государе Царе и Вел. Князе Алексее Михайловиче, всеа Великия и Малыя и Белья России Самодержце, с которыя времена по милости всемогущего в Троице славимого Бога учинились они Вел. Государи на Московском и на Владимирском и на всех великих и преславных государствах Российския державы, и откуда в велицей России, их великих и благочестивых и святопомазанных Государей Царей, Богом насажденный корень прозябе и израсте, и процвете, и великому Российскому царствию сторичный и прекрасный плод издаде»². Сочинителем данного произведения, из 34 глав, был дьяк Федор Грибоедов. Хотя его история России заканчивалась правлением Алексея Михайловича, написана она была явно в царствование и по поощрению Федора Алексеевича.

О том, что царь Федор Алексеевич придавал русской истории огромное воспитательное значение, свидетельствует и выбор им на роль учителя его малолетнего сводного брата Петра Алексеевича дьяка Челобитного приказа Никиты Зотова. Согласно сведениям, приводимым в первой части «Деяний Петра Великого», 12 марта 1677 года Зотов приступил, по благословению святейшего патриарха, к обучению царевича и весьма скоро приобрел доверенность как самого ученика и его матери, так и Федора Алексеевича, «ибо хотя и

¹ Предисловие к исторической книге, составленной по повелению царя Федора Алексеевича. С. XLI–XLII.

² Обстоятельное описание славяно-российских рукописей, хранящихся в Москве, в библиотеке тайного советника, сенатора, Двора Его Императорского Величества действительного камергера и кавалера графа Федора Андреевича Толстого. С. 232–233.

не знал он наук и языков, но был искусен в российском и довольно сведущ в истории, а паче отечественной»¹.

Думается, и книга по русской истории, которую царь Федор Алексеевич повелел составить, предназначалась именно для воспитания из Петра Алексеевича будущего царя. Неслучайно в ее предисловии приводилось следующее наставление византийского императора Василия Македонянина своему сыну Льву Премудрому: «Истории древнии прочести не ленись, там обо същещи без трудов, которые иные и с трудами собрали, и оттуду исчерпаети и добрых добродетелей, и злах прегрешений, и человеческого жития разные пременения, и вещей в ней разорение, мира сего непостоянство и государств незапные падежи, и, одним словом рещи, злым злодеянием наказаней, и благим воздаяние, из них же тех же побежи, да не впадешь в руке правды Божии, сие ж восприми, яко да воздаяние последующим им наследуешь»².

Царь Федор Алексеевич вполне сознавал опасность своей болезнью и понимал, что жизнь его будет недолгой. Поэтому старался подготовить себе преемника. Многие признаки указывают, что на эту роль он предназначал именно сводного брата Петра, хотя имел родного брата Иоанна Алексеевича. И. И. Голиков писал по этому поводу: «Но какое доказательство любви к отечеству быть может большее как то, что великий сей государь, видя в едиnorodном, по отцу и по матери, брате своем *царевиче Иоанне Алексеевиче*, менее душевных и телесных дарований, нежели в меньшом брате своем, и от другой притом матери рожденном, предпочел сего последнего первому и желал, дабы по нем объявлен был ПЕТР царем»³.

Федор Алексеевич был дважды женат. 18 июля 1680 года он сочелся браком с Агафьей Симеоновной Грушецкой⁴. 11 июля 1681 года она родила сына, которого нарекли Илией (Ильей). Но 14 июля супруга Федора скончалась, а спустя неделю — 21 июля — умер и рожденный ею мальчик.

¹ [Голиков И. И.] Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Часть 1. СПб., 1788. С. 141.

² Предисловие к исторической книге, составленной по повелению царя Федора Алексеевича. С. XXXVII.

³ [Голиков И. И.] Дополнение к Деяниям Петра Великого. Том 3. М., 1790. С. 196.

⁴ См.: 1-ПСЗРИ. Том 2. № 829. С. 270.

15 февраля 1682 года Федор Алексеевич женился на Марфе Матвеевне Апраксиной, но этот брак продлился всего два месяца и двенадцать дней. 27 апреля 1682 года Федор Алексеевич окончил свои дни, не дожив до 21 года одного месяца и трех дней. Царствовал он, следовательно, всего шесть лет два месяца и двадцать восемь дней.

В. Н. Берх отмечал в биографии Федора Алексеевича, что шестилетнее его царствование было «богаче событиями, нежели последующие за сим 14 лет до кончины царя Иоанна Алексеевича»¹. Факты подтверждают данный вывод.

* * *

Первым наиболее значительным деянием Федора Алексеевича на царском троне стала предпринятая сразу после его коронации, состоявшейся 18 июня 1676 года, попытка возвратить под свою власть прибалтийские земли — Ингерманландию и часть Лифляндии, которые принадлежали до 1617 года России. И. И. Голиков описал эту попытку кратко: «По совершении своего коронования, Великий Государь обратил свое внимание на дела внешние, и как ничего не было столь чувствительного российским самодержцам, как отторжение шведским вероломством и насилием провинций Лифляндской и Ингермоладской², как потому, что оные издревле принадлежали России, так и потому, что россияне удалены тем стали от сообщения с иностранными народами посредством торговли Балтийского моря: то и потребовал Монарх от шведского Короля назначить место для переговоров о делах государственных, и по нескольких пересылках съехались с обеих сторон поверенные особы в городе лифляндском Нингаузене; и с российской стороны, между прочим, требовано за несправедливое присвоение помянутых провинций удовлетворения, по крайней мере, отдачею города Нарвы и Ижорской земли; а как шведы отнюдь не хотели на сие согласиться, то и принял было *Монарх* резолюцию употребить на возвращение провинций оных праведное свое оружие; но

¹ Берх В. Н. Царствование царя Федора Алексеевича и история первого стрелецкого бунта. СПб., 1834. Часть 1. С. VII.

² Так написано в цитируемом тексте.

сильные турецкие приготовления на отторжение Малой России стремившие, принудили *Его Величество* не только отстать от претензий сих, но и подтвердить заключенный родителем его со шведами мир»¹.

В изложении событий царствования Федора Алексеевича И. И. Голиков опирался преимущественно на опубликованные сочинения и брал из них сведения без проверки степени их достоверности. Поэтому в его историческом обзоре оказалось немало сомнительных фактов². Однако о том, что молодой царь предпринял сразу после своей коронации попытку вернуть под власть Российского государства Ингерманландию и часть Лифляндии писал впоследствии в своей книге о царствовании Федора Алексеевича и В. Н. Берх. При этом он опирался на сведения, которые обнаружил в одиннадцатом томе исторического сборника «*Theatrum Europaeum* (Европейский театр)»³, вышедшем в 1682 году. Приведенные в нем подробности о действиях со стороны России заставляют думать, что такая попытка действительно имела место.

Оказывается, уже в конце июня 1676 года из Москвы на шведскую границу отправились десять человек, уполномоченных царем вести со шведами переговоры. Их сопровождало довольно внушительное войско под командованием князя Хованского: 4 пехотных полка по 1200 воинов в каждом, 8 пятисотенных полков, отряд кавалерии в несколько сотен человек. Сверх этого было приказано следовать за ними вооруженному отряду новгородских дворян, составлявшие-

¹ [Голиков И. И.] Дополнение к Деяниям Петра Великого. Том 3. С. 159.

² Так, И. И. Голиков писал: «Царь Федор Алексеевич на другой день по кончине великого родителя своего, 30 декабря того же 1676 года, имея от рождения своего 19 лет, 5 месяцев и 21 день, по праву старшинства и по благословению преставльшего родителя, вступил на Всероссийский престол» (Дополнение к Деяниям Петра Великого. Том 3. С. 157). То, что вместо месяца января здесь называется декабрь, можно считать простой опечаткой. Но вот указание на возраст Федора Алексеевича при его восшествии на царский престол — явная ошибка. На самом деле было ему в то время 14 лет и 8 месяцев.

³ Исторический сборник «*Theatrum Europaeum, oder Außführliche und Wahrhaftige Beschreibung aller und jeder denckwürdiger Geschichten*», основанный книгопродавцом и гравером Матвеем Мерианом, выходил во Франкфурте-на-Майне с 1634 по 1738 год. Всего был издан 21 том in folio. Цель сборника заключалась в том, чтобы дать европейской публике занимательное и полезное чтение о событиях, происходивших в то время в Европе, и в том числе таких, в которых принимала участие в той или мере Россия.

му вместе с их слугами 30-тысячное войско¹. Ссылаясь на иностранные источники, В. Н. Берх утверждал, что намерение воевать против шведов проявлял в последние недели своего царствования еще отец Федора Алексеевича. Якобы о вступлении России в войну против Швеции за Ингерманландию и Лифляндию с ним договорился датский посол Грюэль, сумевший внушить царю, что русские войска непременно добьются успеха, поскольку шведская армия втянута в жестокую войну с Данией, а Лифляндия разорена пожарами².

6 июля представители России и Швеции встретились для переговоров в Бракгаузене. Посол Бутурлин сказал длинную речь о взаимоотношениях двух стран, в которой сообщил, что царь Федор Алексеевич желает «пребыть в совершенной дружбе и братской любви со шведским королем»³. Во время следующей встречи со шведскими представителями Бутурлин высказал им жалобы: во-первых, на то, что какой-то студент доказывал в Гене на диспуте, что исповедуемая россиянами вера ложна, а шведы не только приняли его под свое покровительство, но даже определили пастором в Ревель, и, во-вторых, на то, что в дипломатической переписке шведы называли русского царя просто великим князем. Шведы ответили, что хотят сохранить дружбу с русскими и попросили отложить на месяц переговоры.

13 сентября 1676 года уполномоченные обеих держав снова встретились и шведские послы объявили, что их король не может удовлетворить требование русского царя и «должен будет отражать силу силой». По рассказу В. Н. Берха, «обоюдные совещания продолжались несколько времени, после чего послы разъехались, не заключа между собой ничего положительного»⁴.

* * *

Если Федор Алексеевич действительно предпринимал в первый год своего царствования попытку вернуть под власть Российского государства Ингерманландию и часть Лифляндии, то помешать осуществлению этого плана могла в первую очередь война России с Тур-

¹ *Берх В. Н.* Царствование царя Федора Алексеевича и история первого стрелецкого бунта. Часть 1. С. 23–24.

² Там же. С. 25.

³ Там же. С. 24.

⁴ Там же. С. 24–25.

цией и Крымским ханством за Правобережную Украину, доставшаяся молодому царю по наследству от его отца. Алексей Михайлович принял решение о вступлении в эту войну в начале октября 1672 года¹. Боевые же действия развернулись только с лета 1673 года. С тех пор они шли с переменной интенсивностью: то вспыхивая, то затухая на какое-то время. Летом 1677 года турки и крымские татары предприняли попытку захватить столицу украинской гетманской автономии Чигирин. Федору Алексеичу пришлось направить на Украину дополнительные войска.

В начале августа 1677 года турецкая армия численностью примерно в 60 000 воинов, дополненная 40-тысячной татарской конницей и 20-тысячным корпусом вспомогательных войск молдаван и валахов, осадила Чигирин. Три недели чигиринский гарнизон, основу которого составлял 5-тысячный отряд московских стрельцов и выборных солдат, держал осаду столь мощных сил, пока к осажденному городу не подошел с 49-тысячным войском князь Г. Г. Ромодановский. В сражении на берегу Днепра 27 и 28 августа русские полки нанес-

¹ Из текста датированной 6 октября 1672 г. царской грамоты Владимирскому воеводе князю Шаховскому «О объявлении войны против Турецкого султана и Крымского хана, с приказанием войску готовиться к походу» видно, что непосредственной причиной, побудившей царя Алексея Михайловича вступить в эту войну, было вероломство турок и крымских татар, проявленное ими после захвата Каменец-Подольского в отношении христианского населения. Гарнизон этого города, располагавшегося на украинской территории, принадлежавшей в то время Польше, не выдержав осады многократно превосходивших его по численности турецких и татарских войск, счел благоразумным сдаться под обещание Турецкого султана и Крымского хана обеспечить для жителей безопасность жизни и имущества, сохранение нескольких церквей и свободное отправление христианского богослужения. Однако, войдя в город, турки и крымские татары стали разорять церкви: сломали со всех них кресты и сбросили колокола. Православных христиан захватчики начали принуждать к обращению в магометанскую веру, отнимая у тех из них, кто противился такому насилию, имущество и жизни. Вторгшись в пределы Украины с огромной армией (численностью более 300 000 воинов), Турецкий султан не скрывал своего стремления идти войной на христианские государства. В своей грамоте во Владимир воеводе Шаховскому Алексей Михайлович объявлял: «И Мы, Великий Государь, слыша о том подлинное его намерение, прося у Бога милости и надежды нашей Пречистой Богородицы Христианской Заступницы помощи против того веры Христианской гонителя, салтана Турского и хана Крымского, на оборону святой церкви и всех православных Христиан на защищение, со всеми своими силами поход свой готовить велели» (1-ПСЗРИ. Том 1. № 531. С. 912). См. об этом также: Акты, относящиеся до похода против турков и крымских татар // Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Том 6. СПб., 1857. С. 250–253.

ли тяжелое поражение вдвое превосходившим их по числу турецким и татарским войскам. Бросив артиллерию и обозы, турки и крымские татары бежали с поля боя, оставив на нем 4000 убитых янычар, среди которых было немало знатных турок и татар¹. Потери русских были в два раза меньше. Царь Федор Алексеевич щедро наградил победителей и воздал почести погибшим².

Желая прекратить войну с Турцией, государь направил в конце 1677 года в Константинополь для переговоров о заключении мира с турецким султаном своего посланника стольника Афанасия Порусукова (Порусукова)³. По всей видимости, именно от него зимой и весной 1678 года в Москву стали приходить известия о том, что турки готовят новый поход на Украину, с еще большими силами, чем прежде. Федор Алексеевич стал готовить войска к новым битвам. Для снаряжения их оружием и припасами молодой царь приказал собрать с каждого двора по рублю. С этой целью он распорядился в начале 1678 года провести перепись дворов и людей. Отражением данной меры явилась следующая запись в Двинском летописце: «Во 186-м году. Марта в 13 день приехал на Двину стольник Афонасей Денисов

¹ В этом сражении погибли, в частности, сын Крымского хана и два сына турецкого паши.

² См.: Именной указ, сказанный 6 ноября 1677 года на Постельном крыльце Стольникам, Стряпчим, Дворянам Московским и всяких чинов людям, «О пожаловании их за Чигиринскую службу поместными и денежными придачами и о поминовении убитых на той службе в Соборных церквах» // 1-ПСЗРИ. Том 2. № 739. С. 181–184.

³ По словам историка С. М. Соловьева, в начале 1678 г. в Царьграде «находился стольник Порусуков, присланный к султану с царскою грамотою для попытки, нельзя ли прекратить тяжелую и опасную войну и по крайней мере разведать обстоятельнее о турецких замыслах» (*Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 7. М., 1962. С. 213*). На самом деле Афанасий Порусуков имел еще одно поручение от царя: он должен был передать архиепископу Константина града и Вселенскому патриарху Дионисию грамоту о смерти царя Алексея Михайловича и восшествии на престол Федора Алексеевича. В данной грамоте сообщалось, в частности, что русский царь послал Афанасия Порусукова «к обновлению той исконной любви к Магмет Султанову Величеству» (Граммата, посланная с Афанасьем Порусуковым во 185 (1677) году к Цареградскому Патриарху о смерти царя Алексея Михайловича и о восшествии на престол Царя Феодора Алексеевича // *Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российской касающихся. Изданная Николаем Новиковым, членом Вольного Российского собрания при Императорском Московском университете. Издание второе, вновь исправленное, умноженное и в порядок хронологический по возможности приведенное. Часть 16. М., 1791. С. 307*).

сын фон Висин да с ним подьячей Федор Замятнин переписывать на Двине и в Двинском уезде дворы и в них людей. И съехали к Москве во 187-м году»¹. Часть собранных по результатам указанной переписи средств была отдана мастерам в Холмогорах на изготовление нескольких тысяч ружейных замков. Одновременно Федор Алексеевич приказал тульским казенным кузнецам сделать «наскоро семь тысяч пятьсот замков к готовым мушкетным стволам». Узнав из поданной ими жалобы, что местные власти и посадские люди чинят им разные препятствия: не дают покупать жукового железа и угля, изымают у них брагу, пиво и мед, селят в их дворах послов, гонцов и всяких служилых людей и т. д., государь направил 12 сентября 1678 года грамоту Тульскому воеводе И. И. Засецкому с требованием устранить эти препятствия².

Центром сражений, развернувшихся в начале июля 1678 года, снова стал Чигирин. Борьба за этот город-крепость, располагавшийся на правом берегу Днепра на юг от Киева, являлась, в сущности своей, борьбой за политический контроль над Украиной. Запорожский гетман Иван Самойлович (Самойленко) говорил о его значении (в беседе с представителем русского царя в Варшаве думным дворянином В. М. Тяпкиным): «Если Чигирин разорить или допустить неприятеля им овладеть, то разве прежде разоренья или отдачи сказать всем в Украине народам, что уже они великому государю не нужны. У нас во всем козацком народе одно слово и дело: *при ком Чигирин и Киев, при том и они все должны в вечном подданстве быть*. Если Юраска Хмельницкий засядет в Чигирине с своими бунтовщиками, тогда все народы, которые из-за Днепра на эту сторону вышли (т. е. на Левобережную Украину. — В. Т.), пойдут опять за Днепр к Юраску. А если засядут в Чигирине турки, то султан не будет посылать им запасов из своих городов, будут брать запасы с городов и сел этой стороны, и дорога будет открытая туркам под Путивль и

¹ Двинский летописец // Полное собрание русских летописей. Том 33: Холмогорская летопись. Двинский летописец. Л., 1977. С. 159.

² Грамота царя Федора Алексеевича в Тулу воеводе Засецкому // *Берх В. Н. Царствование царя Федора Алексеевича и история первого стрелецкого бунта. Часть 2.* СПб., 1835. С. 101–104. Е. Е. Замысловский высказывал мнение, что «грамота эта, вероятно, относится, к 1677 г. 12 сентября» (*Замысловский Е. Е. Царствование Федора Алексеевича. Ч. 1: Введение. Обзор источников.* СПб., 1871. С. 130). Но из текста самой грамоты видно, что царский указ тульским мастерам сделать «наскоро» 7500 замков для мушкетов был дан им до того, как она была издана.

Севск, потому что Днепр и Заднепровье будут у них в руках»¹ (курсив мой. — В. Т.).

Федор Алексеевич готов был замирился с турецким султаном при условии, если он соглашался оставить Чигирин за Россией. Но этот город был нужен и турецкому султану. Ознакомившись с предложениями русского царя, привезенными Афанасием Поросуковым, Мехмед IV приказал написать в Москву, что согласен на перемирие, но лишь при условии уступки Россией Турции Чигирина и приднепровских владений гетмана Дорошенко. Сообщая на следующий день русскому посланнику об этом распоряжении турецкого султана, Константинопольский патриарх счел необходимым добавить: «Молю царское величество, чтобы ради церкви божиих и веры христианской Чигирина и Украины султану не уступал, а если уступит, то не только Малой России, но государству Московскому тяжек будет неприятель»².

Русский царь оказался в трудном положении. Мир был необходим истощенной войнами России, но уступить туркам гетманскую столицу Чигирин Федор Алексеевич не мог ни при каких обстоятельствах. Решение, принятое им в этой ситуации, оказалось жестоким, но оно являлось, пожалуй, единственным, которое позволяло России достойно выйти из многолетней войны с Турцией. Его величество приказал командующему русскими войсками на Украине воеводе Григорию Григорьевичу Ромодановскому и его сыну Киевскому воеводе Михаилу Григорьевичу Ромодановскому приложить все возможные старания для удержания за Россией Чигирина по мирному договору с Турцией и уничтожить эту крепость в случае, если турки не отступят от своего намерения заполучить ее в свое распоряжение. В посланной им 11 июля 1678 года грамоте Федор Алексеевич дал подробные инструкции относительно условий мирного договора России с Турцией на тот случай, когда ход событий поведет к его заключению. Он выразил, в частности, свое желание, чтобы сей договор был всему Российскому государству, а также малороссийским и украинским городам «к пользе и к покою, а паче же к тишине малороссийского народа»³. При этом государь обращал внимание Ромоданов-

¹ Цит. по: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 7. М., 1962. С. 211.

² Цит. по: Там же. С. 213.

³ Грамота боярам и воеводам Князья Григорию и Михайлу Ромодановским от 11 июля 1678 года «О принятии предосторожностей в мирных переговорах с Турци-

ских, что важнейшим предметом переговоров с представителями турецкого султана должен стать вопрос о границах и принадлежности города Чигирин. Его инструкция на этот счет гласила: «И буде учнет то дело доходить до подлинного договора и учнут с стороны салтана турецкого говорить, чтоб для вечного мира и между обоими государствами покоя учинить знатные рубежи, чтоб в том впредь ссоры не было, и ними говорить о постановлении рубежей, как пристойно и впредь бы, при помощи Божией, прочно и постоянно и малороссийским жителям не ко утеснению было. А того б вам, боярам Нашим и воеводам, остерегать, чтоб договором и постановлением рубежей не учинилось у Нас, Великого Государя, с Королевским Величеством Польским ссоры; а как о рубежах учнете чинить договор, и о том говорить и остерегать накрепко, чрез те рубежи салтанова величества людям не переходить, и городов строить и сел и деревень заводить не велеть; также и хану Крымскому и татарам по сей стороне рубежей не токмо кочевать, и никогда не приходиться и зла никакого не мыслить. А буде турецкого салтана визирь¹ учнет к вам приказывать чрез пересылки, или на съезде станут говорить, чтоб отдать салтанову величеству город Чигирин, для того, что Дорошенко² тот город ему поддал и сам у него в подданстве был; а как Чигирин отдан им будет, тогда и договор о мире они учинят и учнут стоять при том упорно, и вам бы, боярам Нашим и воеводам, говорить, что город Чигирин — владение Христианских государей, а никогда в подданстве у турецких салтанов не бывал и мечетей их в тех местах не бывало; а хотя Дорошенко и поддался и то он учинил изменою своею, и салтанову было величеству по исконной дружбе в такое дело не вступаться и изменника не принимать...»³.

Предполагая, что визирь не откажется от требования передать Чигирин под власть турецкого султана, Федор Алексеевич дал Ромода-

ею, об употреблении всевозможного старания удерживать по трактату за Россию Чигирин и срытии сей крепости до основания, когда турки неотступно будут оной домогаться» // 1-ПСЗРИ. Том 2. № 729. С. 167.

¹ Имеется в виду главнокомандующий (сераскер) турецких войск, осаждавших Чигирин, великий везир Кара Мустафа (1634–1683). Он считался в то время лучшим военачальником султана, неслучайно именно ему было поручено в 1683 г. командовать осадой Вены.

² Имеется в виду украинский гетман Петр Дорошенко.

³ Грамота боярам и воеводам Князьям Григорию и Михайлу Ромодановским от 11 июля 1678 года. С. 167.

новским точное указание, как поступить в таком случае: «И буде визирь нимало к тому не склонится, а учнет стоять при том, чтоб конечно отдать Чигирин, и никакими мерами отвести его от того будет немочно, и вам бы, боярам Нашим и воеводам, помысля о том накрепко и посоветовав с подданным Нашим, войска Запорожского с гетманом с Иваном Самойловичем и разведав неприятельское намерение, буде они мимо того не учинят, приложить радение свое и помыслить накрепко, чем та турецкая война унять и покой Христианству учинить; и буде, кроме того, какие пристойные случаи к тому будут, и вам бы учинить о том по своему рассмотрению, как пристойно и на Нашу, Великого Государя, сторону прибыльно и безопасно: а буде никакими мерами до покоя приступить, кроме Чигирина, визирь не похочет, и вам бы хотя то учинить, что *тот Чигирин, для учинения во обеих сторонах вечного мира, свесть*, и впредь на том месте и на ином за рубежом ему, салтану и пашам его и хану Крымскому городов не строить, и кочевья не чинить, и войною никакими вымыслы не ходить и не посылать, и чрез рубеж не переходить. А того смотреть и остерегать накрепко, что то Чигиринское сведение не противно было малороссийским жителям, и впредь бы было прочно и постоянно и Нашим, Великого Государя, малороссийским и украинским городам к сохранению»¹ (курсив мой. — В. Т.).

В конце своей грамоты русский царь предписывал Ромодановским сообщать ему «почасту с нарочными гонцами» о том, как будут складываться дела на Украине, а саму его грамоту сохранять в тайне от всех².

Осада Чигирина турками и крымскими татарами продолжалась немногим более месяца — с 9 июля до середины августа. Город постоянно обстреливался из пушек и периодически подвергался атакам вражеской армии, насчитывавшей около 120 000 пехоты и конницы.

¹ Грамота боярам и воеводам Князьям Григорию и Михайлу Ромодановским от 11 июля 1678 года. С. 167–168.

² Полковник и инженер Патрик Гордон, командовавший драгунским полком и ведавший строительством фортификационных сооружений в Чигирине, уже 13 июля 1678 г. записал в свой дневник: «Между тем из Москвы к боярам пришел указ, дабы они ждали прибытия князя Касбулата Муцаловича Черкасского с черкесами и калмыцкими татарами — большими врагами татар крымских. Прибыл также другой указ, что в случае если будет невозможно отстоять город и замок Чигирин, то им надлежит разрушить замок и отвести гарнизон» (Гордон П. Дневник 1677–1678. М., 2005. С. 93).

Но чигиринский гарнизон, хотя и состоял из нескольких тысяч воинов¹, героически держал оборону.

Вскоре после начала осады Чигирин в его окрестностях появилось русское войско под командованием Григория Ромодановского численностью не менее 50 тысяч² и примерно 30–40-тысячный отряд украинских казаков гетмана Ивана Самойловича³. Они сразу вступили в бой с турецкими и татарскими армейскими частями. 3 августа русские войска разбили вражеские отряды на подступах к Чигирину, на Стрельниковой горе⁴, но не стали подходить к городу, остановившись на расстоянии примерно в три с половиной километра, несмотря на просьбы его защитников о помощи⁵. По мнению Патрика Гордона, находившегося в гуще описываемых событий, если бы русские войска расположились под самым городом «и немедля ввели в город всю или большую часть пехоты, турки несомненно ушли бы прочь»⁶.

¹ По подсчетам Патрика Гордона, перед началом осады города в нем было 11 713 воинов. См.: *Гордон П. Дневник 1677–1678*. С. 51.

² Патрик Гордон писал в своем дневнике, что 27 июня 1678 г. в городе получили известие о прибытии русских войск к Днепру. 28 июня он записал в своем дневнике: «Бояре прислали 600 стрельцов под командой полуголовы, или подполковника, 400 [человек] из выборных пехотных полков под командой майора и 500 белгородских солдат под командой двух капитанов. Мы поручили им копать и расширять ров выше Крымских ворот в сторону башни Дорошенко» (*Гордон П. Дневник 1677–1678*. С. 48).

³ Эти цифры называет историк А. П. Богданов (*Богданов А. П. В тени великого Петра*. М., 1998. С. 123). Патрик Гордон в своем дневнике называл другие цифры: по его словам, «в русской армии было 70 000 человек, а казаков около 40 000» (Там же. С. 92).

⁴ В ночь с 3 на 4 августа Патрик Гордон записал в свой дневник: «Ночью ко мне привели бежавшего от турок христианина. Он сообщил, что этим утром наши войска после жестокой брани взяли гору, захватили турецкие пушки, боевые припасы, шатры и имевшийся там обоз; Осман-паша ранен, Эскишер-паша погиб и многие другие убиты и ранены» (Там же. С. 71). Позднее он узнает больше подробностей об этом сражении и опишет их в своем дневнике (см.: Там же. С. 93–95).

⁵ Патрик Гордон зафиксировал в своем дневнике, что в ночь с 3 на 4 августа «отправил к боярам гонца, дабы уведомить их о беспорядочном бегстве турок и о положении гарнизона, и просил их спешно наступать и достичь полной победы». К этой записи он добавил факт, свидетельствующий о том, с какой яростью турки осаждали Чигирин: «Сегодня выпущено по городу и замку 937 тяжелых снарядов и 225 больших гранат; 28 убитых и 46 раненых» (Там же).

⁶ Там же. С. 95.

Однако князь Ромодановский приказал войскам стоять на месте. Более того, когда турки 11 августа начали решительный штурм города и прорвали его оборону, гарнизон Чигирина получил от князя Ромодановского распоряжение взорвать склады, поджечь дома и оставить город. Многие защитники крепости не подчинились этому приказу, но дождавшись, когда на ее территорию ворвутся турки, взорвали пороховые склады. Погибнув сами, они погубили не менее 4000 врагов. Те, кому удалось вырваться с боем из крепости и добраться до армии Ромодановского, до конца своих дней оставались в недоумении, почему русский воевода, который вполне мог разбить турецкую армию и спасти Чигирин, не двинул свои войска на помощь истекавшим кровью защитникам города¹. Между тем командовавший русскими войсками князь Ромодановский всего лишь выполнял приказ своего государя об уничтожении города, оказавшегося препятствием для прекращения русско-турецкой войны.

Боевые действия между Россией и Турцией продолжались до конца 1678 года. После этого более двух лет шли переговоры между представителями воюющих сторон об условиях мирного договора. 3 января 1681 года крымский хан Мурат-Гирей издал шертную грамоту «О заключении мира с Россией на двадцать лет, об оставлении границей реки Днепра, о нестроении по обе стороны оной никаких селений, о присылке за три прошлые года подарков и о доставлении оных впредь ежегодно по росписям, о размене пленных и о невоевании российских земель не только крымскому хану, но и султану турецкому»². Хан Мурад-Гирей сообщал в ней, на каких условиях он и турецкий султан Мехмед IV были согласны заключить мир с русским царем.

¹ «Так Чигирин был обороняем и потерян, оставлен, но не взят, — писал в своем дневнике Патрик Гордон. — Город недавно стал знаменит как источник, колыбель и столица казачьего восстания против поляков, обогащенная во времена Хмельницкого добычей и трофеями из значительной части Польши. Московиты по просьбе поляков обещали покорить его и предприняли с этой целью ряд походов. Наконец, два года назад он был сдан Петром Дорошенко, который поклялся туркам быть их верным вассалом. Поляки по мирному договору, заключенному с турками в Год Господень (Патрик Гордон имеет в виду в данном случае Журавинский мир 1676 г. между Речью. — В. Т.), [...] уступили Порте свое право на эти края. Сие привело к прежнему и этому походам турок и к настоящей войне между ними и московитами» (*Гордон П.* Дневник 1677–1678. С. 90).

² Текст данной грамоты см.: 1-ПСЗРИ. Том 2. № 854. С. 290–292.

4 марта 1681 года в шатре, стоявшем на поле близ Бахчисарая, с посланниками русского царя стольником и полковником Василием Тяпкиным и дьяком Никитой Зотовым, состоялась торжественная церемония скрепления перемирия на 20 лет между Россией, с одной стороны, и Крымским ханством и Турцией, с другой. «Мурад-Гирей, целуя Коран, говорил, что он и султан клянутся содержать мирное постановление непорочно двадцать лет; на посланников и переводчиков надели золотые кафтаны, а посланники за это поднесли дары хану, который сказал им, чтоб великий государь поскорее отправлял послов своих к султану для подкрепления договоров, а которых статей нет в его ханской шертной грамоте, те будут внесены в грамоту султанову: он, хан, об этом писал уже к султану и впредь писать будет. Наконец, хан говорил с светлым и радостным лицом: „Когда царствующего града Москвы достигнете и сподобитесь видеть великого государя своего пресветлое лицо, то от нашего ханова величества ему поклонитесь, посредничество наше между ним и султаном турецким, радение в мирных договорах, откровенную пред вами дружбу и любовь нашу его царскому величеству донесите. А вам счастливый путь!“ Посланники поклонились хану до земли, благодаря за жалованье. Когда вышли из шатра, провожали их до лошадей беи, карачеи и мурзы, и прощались любовно; множество христиан и бусурман, слышав о заключении мира, толпились у шатра и провожали посланников радостными восклицаниями. Если в Крыму так радовались заключению мира, то еще больше радовались в России, и особенно в Малороссии»¹.

Федор Алексеевич надеялся уговорить турецкого султана передать России помимо Заднепровья еще и Запорожье и с этой целью послал в Константинополь (Стамбул) думного дьяка Прокопия Возницына и окольничего Илью Чирикова, но султан отказался внести в свою грамоту данную уступку. Возницын пытался настаивать на внесении в грамоту статьи о Запорожье и отказывался ее брать без этого, однако визирь по поручению султана решительно объявил русскому посланнику, что он должен или взять грамоту, или уехать без грамоты. Возницын обратился за советом к патриархам константинопольскому, иерусалимскому и александрийскому, которые были тогда в Константинополе: патриархи посоветовали ему взять грамоту². Возни-

¹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 7. М., 1962. С. 228–229.

² Там же. С. 231.

цын послушался совета и с грамотой турецкого султана о перемирии на 20 лет отправился в Москву¹.

3 мая 1681 года в Московском Успенском соборе в Кремле было объявлено о том, что 29 апреля писали к великому государю, царю и великому князю Феодору Алексеевичу, всея Великия и Малыя и Белья России самодержцу, его государевы посланники стольник и полковник Василий Тяпкин, да дьяк Никита Зотов о том, что «они посланники, будучи в Крыму у Мурат-Гирея Хана, учинили, по Его Великого Государя указу, с салтаном турецким и ханом Крымским перемирие от нынешнего 189 года² от генваря месяца впредь на 20 лет. А в тем перемирные лета содержать ему, салтану и хану, тот договор крепко и нерушимо, и на Украйные Его Царского Величества города и земли войною им не ходить и ратей своих не посылать, и общаясь от сего времени с Великим Государем, с Его Царским Величеством, салтан турецкий и хан крымский быть в твердом соединении и Его Царскому Величеству другу другом, а недругу — недругом, и между собою имети любительские пересылки чрез послов и посланников, а войны и зла никакого никаким образом не мыслить и не чинить; а Богоспасаемому граду Киеву, Его Государской прародительной отчизне, с городами и с землями, истари к нему належащими, и от Киева до Запорожья и Запорогам быть в державе Великого Государя, Его Царского Величества. А которые пустые земли за Днепром во владеньи салтана турецкого, и на тех землях ему, салтану турецкому и хану крымскому, городов и городков не делать и людьми не населять. А буде которые турецкие и крымские люди самовольством придут на Его Государевы люди войною, и таких людей обещались они сыскивать и, переимав, казнить смертью, а взятое назад отдавать»³.

* * *

Замирение с турецким султаном и крымским ханом на весьма выгодных для России условиях стало одним из наиболее значимых дости-

¹ Илья Чириков во время пребывания в Константинополе скончался.

² То есть 7189 года от сотворения мира или 1681 года от Рождества Христова.

³ Объявление, учиненное в Московском Успенском соборе 3 мая 1681 года «О заключенном с Турцией и Крымом перемирии на 20 лет и о милостивой похвале Государевой и награде купечеству и воинам, оказавшим в военное время истинное усердие к Государству» // 1-ПСЗРИ. Том 2. № 864. С. 308.

жений молодого русского царя. Но хотя война с Турцией и Крымским ханством завершилась для России успешно, она еще раз показала недостатки существовавшей организации русского войска. Главный из них был связан с местничеством, то есть со старинным обычаем назначения тех или иных лиц на высшие должности в зависимости от родового и служебного статуса их предков. И. И. Голиков писал об этом явлении: «Местничество называлось то, что дворянин могший доказать древность своей фамилии и которые величались званием родословных людей, почитал за бесчестие быть подчинен не столь древней фамилии, как его; паче же ежели сын, внук или правнук его когда-либо был в службе старее того, под властью которого служить он был должен. Сие старшинство предков своих каждый дворянин с такою ревностию защищал, что скорее согласился бы он лишиться всего счастья своего или и самую принять смерть, нежели служить под начальством такого, которого предки были ниже чинами его предков, и почитали за такое же бесчестие, чтоб одинакого чина и старшинства быть одному которому подчиненным; и буде была на то воля государева, то всячески отбивались от службы. Таковое пагубное мечтательство о преимуществе родов не обычаем одним утвердилось, но и законом. В розрядном приказе, под ведомством которого состояло дворянство, хранились каждой фамилии и службе предков книги, кои назывались розрядными же, и как бесконечные происходили между фамилиями о старшинстве предков споры, то приказ сей и должен был по тем книгам споры оные разрешать и всегда почти сими разборами заниматься. Сие производило величайший государству вред, ибо весьма часто случалось, что в походах против неприятеля не столько занимались победою, сколько старшинствами своими, нередко проигрывали от того сражения и опустошалось отечество»¹.

Сложившись в Московском государстве к началу XVI века, обычай местничества способствовал поначалу консолидации аристократических родов. Вместе с тем он во все времена препятствовал развитию государственного сознания в русском правящем сословии. Интересы своего рода аристократы ставили выше интересов государства. Неопределенный, запутанный характер местнической системы назначения на должности создавал почву для постоянных раздоров в среде знати. Во многом именно эти раздоры стали причиной краха Мо-

¹ [Голиков И. И.] Дополнение к Деяниям Петра Великого. Том 3. С. 180.

сковского государства в начале XVII века. Избрание рода Романовых на царский престол, хотя и ознаменовало собой окончание Смуты, не прекратило вражды между аристократическими родами за места в государственном управлении. Местнические раздоры были особенно опасны для государства во время войн: они ослабляли боеспособность войск и тем самым создавали угрозу военного поражения, а значит, больших людских, материальных и территориальных потерь для страны.

Поэтому еще со времен Ивана Грозного русские цари предпринимали попытки ограничить применение принципа местничества при назначении на армейские должности. Так, в июле 1550 года («лета 7058, июля») был издан акт, в котором говорилось: «Царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии приговорил с отцом своим Макарием митрополитом, и з братом своим со князем Юрьем Васильевичем, и со князем Володимером Андреевичем, и з своими бояры, да и в наряд служебной велел написати, где быти на Цареве и великого князя службе бояром и воеводам по полком: в болшом полку быти болшому воеводе, а передовому полку, и правые руки, и левые руки воеводам и сторожевого полку первым воеводам быти менши болшого полку перваго воеводы. А хто будет другой в болшом полку воевода, и до того болшого полку другою воеводы правые руки болшему воеводе делу и счета нет, быта им без мест... А князем и дворяном болшим, и детем боярским на цареве и великого князя службе з бояры и с воеводы или с лехкими воеводами царева и великого князя для дела быти без мест»¹.

Боролся с местничеством и Борис Годунов. По словам В. Н. Татищева, этот царь, «видя, что из того государственный вред наносится, начал отставлять и при нем уже многие без мест были»².

В царствование Михаила Федоровича стали приниматься меры для искоренения местничества не только в организации армии, но и в устройстве российского политического быта как такового. При этом к представителям аристократии, стремившимся отстаивать, несмотря на царские указы, принципы местничества, применялись довольно строгие наказания. Во время вторжения в Россию в 1618 го-

¹ Разрядная книга 1475—1598 гг. / Подготовка текста, вводная статья и ред. В. И. Буганова / Отв. ред. акад. М. Н. Тихомиров. М., 1966. С. 125—126.

² Татищев В. Н. Царство царя Федора Алексеевича // Татищев В. Н. История Российская. В 3-х томах. Том 3. М., 2005. С. 851).

ду войска польского королевича Владислава, стремившегося занять русский трон, царь Михаил Федорович, посоветовавшись с духовенством и боярами, приговорил: «Где кто будет у какого государева дела, быть всем без мест»¹. Однако боярин Матвей Михайлович Годунов тем не менее «бил челом в отечестве» на боярина Афанасия Васильевича Лобанова-Ростовского. Государь повелел посадить ослушника его указа в тюрьму без какого-либо судебного разбирательства.

Накануне первой женитьбы Михаила Федоровича, 14 сентября 1624 года, было торжественно объявлено, что «на государевой радости во всех чинах быть без мест и впредь тем никому не считаться и в случаи не принимать»². Данный указ был подписан по велению царя и его отца патриарха думными дьяками и скреплен государственной печатью. Но нашлись ослушники и этого государева указа. Князь Иван Васильевич Голицын и его супруга не поехали на царскую свадьбу по той причине, что ему приходилось сидеть ниже князей И. И. Шуйского и Д. Т. Трубецкого, а ей — ниже княгини Шуйской. Царь и патриарх подтвердили свой указ о том, что «на свадьбе все без мест». Но князь И. И. Голицын заявил в ответ: «В том их государская воля, хотя вели государь казнить, а мне по той сказке нельзя быть меньше Шуйского и Трубецкого»³. В результате упрямый князь был осужден за государственную измену и приговорен к ссылке с конфискацией поместий и вотчин.

Царь Алексей Михайлович продолжил политику борьбы с местничеством. По подсчетам историка А. П. Зернина, произведенным на основании записей в разрядных книгах за период с 1645 по 1675 год включительно, на имя его величества было подано 127 челобитий со стороны радетелей местнического порядка. По ним было вынесено 46 приговоров о заточении в тюрьму, 14 — о назначении телесных наказаний, 3 — о наложении денежных взысканий, на 20 челобитий царь ответил радетелю местничества угрозой наложить на него опалу или какое-либо «великое наказание», вплоть до заточения в тюрьму.

¹ Цит. по: *Зернин А. П.* Судьба местничества, преимущественно при первых двух царях династии Романовых // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачовым. Кн. 3. СПб., 1861. С. 23.

² Цит. по: Там же.

³ Цит. по: Там же.

В ряде случаев Алексей Михайлович оставлял такие челобития без какого-либо ответа и только в 8 случаях пошел на уступку¹.

23 октября 1653 года, в преддверии войны с Польшей, думный дяк Семен Заваровский объявил в Успенском соборе в Кремле, в присутствии его величества, следующий царский указ: «Мы, Великий Государь, Царь и Великий князь Алексей Михайлович всея Руси, положи упование на всемогущего Бога и на его мать Пресвятую Богородицу и на московских чудотворцев Петра, Алексея, Иону и Филиппа и всех Святых, и советовав со отцем своим и богомольцем, Великим Государем, Святейшим Никоном Патриархом Московским и всея России и со всем освященным собором и с вами бояры и окольничими, и думными людьми, приговорили и изволили мы идти против недруга своего Польского и Литовского Короля. А кому с Нами, Великим Государем, и по иным полкам бытии в нынешней службе воеводам и во всяких чинах, и всем ратным людям, боярам и окольничим, и думским людям, и стольникам, и стряпчим, и дворянам московским, и жильцам, и головам стрелецким, и дворянам, и детям боярским из городов: и тем на нынешней нашей службе всем бытии без мест, и никому нынешним разрядом ныне и впредь не считаться и в случаях не подавать и никому никого тем не попрекать»². Текст данного указа был записан в разрядную книгу, причем царь подписал его собственноручно и повелел приписать к нему следующую угрозу: «а кто мимо его государева указу нынешним розрядом в отечестве на кого учнет государю бить челом, или кто учнет кого в отечестве попрекать, и тем людям от государя быть в опале, и в большом наказанье и в ссылке, и впредь тем людям в прежней своей чести во веки не быть».

Однако ни угрозы великих наказаний, ни исполнения этих угроз не могли сломить приверженности русской знати к местничеству. И Федору Алексеевичу с самого начала царствования пришлось принимать специальные меры для ограничения применения этого обычая при назначениях на государственные должности. При этом он действовал поначалу точно так же, как его венценосный отец.

¹ См.: *Зернин А. П.* Судьба местничества, преимущественно при первых двух царях династии Романовых. С. 26.

² Именной указ, сказанный 23 октября 1653 года в Московском Успенском соборе думным дяком Семеном Заворовским в присутствии самого Государя, «О ненаблюдении расчетов местничества в наступающем походе противу Польши» // 1-ПСЗРИ. Том 1. № 106. С. 302.

5 ноября 1678 года, в разгар войны с Турцией и Крымским ханством молодой царь — по совету с патриархом Московским Иоакимом и с боярами — огласил приговор, предписывавший не соблюдать местничества в походе против турецкого султана и крымского хана. По своему содержанию данный приговор был подобен указу царя Алексея Михайловича, объявленному 23 октября 1653 года. Федор Алексеевич указал, в частности: «По вестям, против турецкого султана с войски и крымского хана с ордами, быть на Своей Великого Государя службе по полкам и по местам боярам и воеводам по росписи, также стольникам, и стряпчим, и дворянам, и полковникам, и головам стрелецким и иных чинов ратным людем в нынешнем походе, у всяких дел и в посылках, быть меж себя всем без мест, покаместа турецкая война минется, и никому ни с кем нынешним розрядом, ныне и впредь в отечестве не считается, и нынешнего розряду в отеческих делах в случай никому не ставить и никому никого тем не не попрекать, и в розряд к отеческим к счетным делам нынешних случаев ни у кого ни на кого не принимать. А будет кто учнет, мимо сего Его, Государева указу, по нынешнему розряду в отечестве на кого Ему, Великому Государю, бить челом, или впредь нынешним розрядом кто кого в отечестве учнет попрекать, и тем людем от Него, Великого Государя, быть в жестоком наказанье и в разоренье, и в ссылке безо всякого милосердия и пощады, и из чинов, кто в котором был, будут отставлены, и впредь тем людем, за те свои вины и упрямство, в прежних своих чинех и в чести не быть»¹.

Федор Алексеевич не запрещал данным приговором местничество, но лишь приостанавливал действие этого обычая на время военного похода против турок и крымских татар. Более того, он косвенно подтверждал законность местничества как принципа назначения на государственные должности. В соответствии с ним самой по себе принадлежности к знатному роду было недостаточно для занятия высокого места в должностной иерархии. Представитель знатного рода получал преимущество при назначениях на должности только в том случае, если его ближайшие предки и сам он служили на более высоких местах в государственном управлении. Если же кто-то из них занимал какое-то время низкое место на государственной

¹ Именной указ от 5 ноября 1678 года «О состоянии боярам и воеводам в походе противу турок по росписи, не наблюдая местничества» // 1-ПСЗРИ. Том 2. № 738. С. 181.

службе, то он и его потомки теряли, согласно обычаю местничества, право на получение высокого поста в государстве. Приостанавливая своим приговором от 5 ноября 1678 года действие принципа местничества при назначениях в армии на время войны России с Турцией и Крымским ханством, Федор Алексеевич позаботился о том, чтобы назначение представителей знатных родов на более низкие войсковые должности не учитывалось в последующем, при назначениях на государственные должности по окончании данной войны. Жестокими наказаниями государь соответственно угрожал не приверженцам местничества, но лишь тем из них, кто будет принимать во внимание случаи понижения должностного статуса какого-либо знатного человека во время его службы в войске, выступившем в поход против турок и крымских татар, и протестовать на этом основании против его назначения на высокую должность.

2 ноября 1679 года был объявлен еще один царский указ о местничестве. На этот раз Федор Алексеевич, посоветовавшись с патриархом Иоакимом и поговорив с боярами и окольными и думными людьми, повелел: «Впредь во всех ходах, для почести за святыми иконами, боярам и окольным и думным и ближним и всяких чинов людям, кому где великий государь быть укажет, меж себя всем быть без мест и впредь в случаи того никому не ставить и к счетным отеческим делам в розряде¹ ни у кого ни на кого случаев таких не принимать, и в укоризну и в потерку никому того себе не ставить, и тем их никому не попрекать, и впредь с сего числа тех ходов в розряде в книгу не записывать, чтоб вышеписанным чинам от того меж себя ссор и нелюбия не было»². Издавая приведенный указ, Федор Алексеевич, так же как и в предыдущем случае, следовал примеру своего

¹ В данном случае имеются в виду книги Разрядного приказа, которые велись с начала 70-х годов XV в. до конца 70-х годов XVII в. Их основное содержание составляли записи о происходивших при царском дворе официальных событиях, торжественных церемониях, выходах государя, крестных ходах. Помимо этого здесь фиксировались назначения на государеву службу, пожалования в чины, государевы поручения служилым людям и т. д. См. о «разрядных книгах»: Буганов В. И. «Книги разрядные» («Подлинники») 1613–1636 гг. // Исторические записки. М., 1976. Том 97. С. 290–303; Петров К. В. Разрядная книга 7183 (1674–1675) г. // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 2000. Том 27. С. 180–190; Записная разрядная книга. 1679. Апрель–август // Замысловский Е. Е. Царствование Федора Алексеевича. Ч. 1: Введение. Обзор источников. СПб., 1871. С. XIX–XXXIV.

² Именной указ с Патриаршим и Боярским приговором, объявленный разным чинам на Постельном крыльце 2 ноября 1679 года, «О ненаблюдении расчетов местниче-

отца. Царь Алексей Михайлович в свое время приказывал боярам и окольным, и думным и ближним людям, и стольникам и дворянам, а с ними полковникам и стрелецким головам и полуголовам не считаться в отечестве во время крестного хода от Соборной церкви Успения Пресвятой Богородицы в Сретенский монастырь, но становиться на то место, которое государь укажет.

Ограничивая местничество в церемониально-религиозной сфере, русские цари приучали бояр и дворян к мысли о том, что не только главным, но и единственным фактором, определяющим их место в служебной иерархии, является воля государя: каждый из них будет служить там, «где великий государь быть укажет».

Наиболее пагубные для государства последствия могло иметь сохранение местничества в организации войска, поэтому русские цари чаще всего именно в этой сфере приостанавливали действие местнического обычая. Неудивительно, что и окончательная отмена местничества в царствование Федора Алексеевича была связана с его попыткой провести военную реформу.

24 ноября 1681 года государь назначил князя Василия Васильевича Голицына председателем комиссии, составленной из некоторого числа избранных стольников и генералов, стольников и полковников, стряпчих и дворян, жильцов и городских дворян, а также детей боярских. Данный царский указ положил начало весьма значимой для дальнейшего развития Русского государства реформе. Ее основные положения были закреплены принятым 12 января 1682 года «Соборным деянием об уничтожении местничества»¹.

ства по нарядам в крестные ходы для препровождения святых икон, под опасением за неповиновение, строжайшего наказания» // 1-ПСЗРИ. Том 2. № 775. С. 218.

¹ Под таким названием и под датой 12 января 1682 г. этот законодательный акт был напечатан в первом «Полном собрании законов Российской империи» (Том 2. № 905. С. 368–379). В сборнике же «Древняя российская вивлиофика» он был опубликован под названием «Соборное деяние об отставках отеческих случаев и местничества, учиненное указами Государя Царя и Великого Князя Феодора Алексеевича, Самодержца Всероссийского, при собрании всего духовного и гражданского чина, в лето 7190, а от Рождества Христова 1681 года. Ноября в 24 день» (см.: Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российской касающихся. Изданная Николаем Новиковым, членом Вольного Российского собрания при Императорском Московском университете. Издание второе, вновь исправленное, умноженное и в порядок хронологический по возможности приведенное. Часть 17. М., 1791. С. 422–455).

Согласно этому акту, комиссии во главе с князем В. В. Голицыным было поручено рассмотреть лишь способы улучшения устройства государевых войск и управления ими. «Ведомо Ему Великому Государю учинилось, — говорилось в «Соборном деянии», — что в мимошедших воинских бранях, будучи на боях с Его Государевыми ратными людьми, Его Государевы неприятели показали новые в ратных делах вымыслы, которыми желали чинить поиски над Его Государевыми ратными людьми, и чтобы для тех нововымышленных неприятельских хитростей учинить Ему Великому Государю в Своих Государских ратях рассмотрение и лучшее устройство, которым бы устройением Его Великого Государя ратям в воинские времена иметь против неприятелей пристойную осторожность и охранение, и чтобы прежде бывшее воинское устройство, которое показалось на боях неприбыльно, применить на лучшее; а которые и прежнего устройства дела на боях с неприятелями имеются пристойны, и тем быть без применения».

Однако из обзора событий, происходивших при царском дворе с конца 1681 до 1684 года, который был составлен бывшим подьячим Тайного приказа, учеником Симеона Полоцкого, монахом Сильвестром¹, следует, что перед комиссией князя В. В. Голицына была поставлена более конкретная задача: она должна была рассмотреть вопрос об уничтожении местничества, причем не только в организации командования войсками, но и в государственном управлении вообще. Обращаясь к событиям конца 1681 года, Сильвестр писал: «Того же лета, ноемврия в 24 день, изволися ему, государю, вчинать: царского своего сигклита² всякого чина рассмотреть, како бывает председиение³ в сигклите его и в воинских делах, егда по их государским указам посылают в полки с ратными людьми или в правление под их царского величества в царственные грады, яко: в Киев, в Великий Новоград, в Казань, во Астрахань, в Сибирь, боляре, и окольничие, и думные дворяне с товарищи, и ини бывают люди из крове⁴ благо-

¹ В миру — Симеон Агафонович Медведев (1641–1691).

² Имеется в виду Боярская дума.

³ Согласно «Толковому словарю живого великорусского языка» В. И. Даля, «председать» значит «сидеть на первом, на старшем, на почетном месте или выше других, занимать старшее место. Заседать по должности на первом месте в думе, на соборе, совете или суде; быть старшим, головою заседанья».

⁴ То есть по происхождению.

родием великие боляре, иные из меншого благородства, честию тою же де боярства от царского величества за службы или за разумное правительство пожалованы и в близность к ним, государем, бывают в совет допущены; инии же по роду своему честь имеюще столника или околничего, и той столник не из рода суца благородного, аще будет и боярин, не хошет под ним седети, не хошет с ним ни в каком деле и в полках в товарищах бытии; и наченши от болших, даже до меньшей чести, сице творилося. От чесого были и ныне суть великие между их в таких случаях вражды, и беды несказанные, и злые друг на друга вымыслы; людем же мелким в полках и в городех не правление между таких бывает, но велие погубление: един бо одинаго боляши творится, и котории подначальнии люди к коему единому начнут ходити, другой тех ненавидит. И он, государь, видя тую неправду в царствии своем, зело тщание полагал, чтобы оную тщетную злобу истребити, и местничества в председателстве никому бы собою не имети, кого когда пошлют на их государскую службу; аще вручат кое правление во стране и в полках, хотя и не великого рода, а честию их государскою пожалован, и в таком деле искусен, о том ни с кем не считатися, еже убо не возноситися и над малым человеком»¹.

Согласно «Соборному деянию», выборные люди, обсудив меры, необходимые для лучшей организации войска, пришли к мнению, что государю следует приказать «стольникам и стряпчим, и дворянам и жильцам служить полковую службу по прежнему, и расписать бы их все в роты, а не в сотни; а вместо бы сотенных голов, для лучшего устройства и крепкого против неприятелей стояния, быть у них ротмистром и поручиком из стольников и из стряпчих и из дворян и из жильцов, и изо всех родов и чинов с головы беспременно, и меж себя без мест и без подбора, кому в каком чине Он, Великий Государь, быть укажет»². При этом было высказано предложение сформировать каждый полк из 6 рот, а роту — из 60 человек. Бояре доложили Федору Алексеевичу об этих мнениях выборных людей. Государь приказал сообщить выборным людям, что повелел, чтобы

¹ Сильвестра Медведева Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве / С предисловием и примечаниями Александра Прозоровского // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1894. Кн. 4. Отдел 2: Материалы историко-литературные. С. 18.

² Соборное деяние об уничтожении местничества от 12 января 1682 года // 1-ПСЗРИ. Том 2. № 905. С. 369.

все было устроено так, как они объявили боярам, и дабы выборные люди вместе с боярами написали, кому быть ротмистрами и поручиками, и доложили о том его величеству. А для того, чтобы они знали из кого выбирать, его величество «указал прочесть им подлинный список стольников и стряпчих и дворян и жильцов», и те подлинные списки выборным людям были прочтены.

После этого, как рассказывается в «Соборном деянии», бояре и выборные люди написали имена тех, кого они считали достойными чинов ротмистра и поручика, и по написании имен снова обратились с челобитной к царю Федору Алексеевичу через князя Голицына и бояр, сказав им, что, по указу великого государя, «они, выборные люди и братья их и дети и сродники написаны в ротмистры и в Поручики; а Трубецких де, и Одоевских, и Куракиных, и Репиных, и Шенных, и Троекуровых, и Лобановых-Ростовских, и Ромодановских, и иных родов в те чины никого ныне не написано, для того, что за малыми летами в чины они не приказаны, и опасно им того, чтобы впредь от тех вышеписанных и от иных родов, которые ныне в ротмистрах и в поручиках не написаны, не было им и родам их в том укоризны и попрека, и чтобы Великий Государь пожаловал их, велел тех всех родов, которые ныне в ротмистры и в поручики для вышеобъявленных причин не написаны, и в которых родах впредь будут дети, писать в те же чины в ротмистры и в поручики в то время, как они в службу поспеют и в чины приказаны будут, чтобы им впредь от тех родов в попреке и в укоризне не быть. И для совершенной в Его Государских ратных и в посольских и во всяких делах прибыли и лучшего устройства, указал бы Великий Государь всем боярам и окольным и думным и ближним людям и всем чинам быть на Москве в приказах и в полках, у ратных и у посольских и у всяких дел и в городах меж себя без мест, где кому Великий Государь укажет, и никому ни с кем впредь разрядом и местом не считаться, и разрядные случаи и места отставить и искоренить, чтобы впредь от тех случаев в Его Государевых ратных и во всяких делах помешки не было, и чтобы их челобитье Великому Государю донести»¹.

Князь Голицын и бояре донесли это челобитье выборных людей до царя Федора Алексеевича, и государь приказал собраться у него в палатах святейшему патриарху с архиереями и «с выборными вла-

¹ 1-ПСЗРИ. Том 2. № 905. С. 370.

стями», а также боярам и окольниковым и думным людям, чтобы «то доброначинаемое дело им объявить и при помощи Божьей усоветовать, в каком определении тому удобнее быть»¹. И в 12 день января собрались они в государевых палатах.

В сочинении монаха Сильвестра «Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92» ничего не говорилось о деятельности комиссии выборных людей. После описания вредных последствий местничества и замечания о стремлении государя искоренить данный обычай здесь сообщалось, что ради этого «благочестивый Великий Государь Царь и Великий Князь Феодор Алексеевич, всеа Великия и Малыя и Белья России Самодержец, месяца генваря во 12 день призвал в свои государские полаты великого господина святейшего Иоакима патриарха московского и всеа России, и всех властей: митрополитов, архиепископов и епископов, архимандритов и игуменов, и весь свой царский сингклит: бояр, окольниковых и думных дворян, и думных дьяков, о том деле, желанием всякой добродетели государству своему, наипаче же да вси людие безтщетно, в любви пребывая, восхваляют Бога купно без размышлений всяких, всем предлагал. И чтобы тому местничеству впредь между великородных людей не быти, и кому по их государскому указу велят где, хотя из меньшего чина, за ево службу или за разум пожалована честию равною боярства, и с ним о том никому не считатися, и дело государево строити без гнева и ненависти и без всякой хитрости, чтобы то было правде Божией не противно»².

Согласно «Соборному деянию об уничтожении местничества», созванное 12 января 1682 года совещание открылось с объявления челобитья выборных людей. После этого выступил Федор Алексеевич. В начале своей речи государь напомнил присутствовавшим, что Бог всем правит и все содержит и всем монархам и человекам повелевает жить и пребывать благочестно и праведно, и что «им же цари царствуют и сильные держат землю», и именно от великодаровитой и всемошной десницы Бога он, государь, принял царский скипетр, царство и державу, дабы управлять не по своей, но по Божьей воле. И по Божественному повелению ему, государю, подобает всех тех, над кем он властвует, укреплять «к мирному, благоутешному и лю-

¹ 1-ПСЗРИ. Том 2. № 905. С. 370.

² Сильвестра Медведева Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве. С. 19.

бовному» состоянию, и это укрепление «предумышлять, устроить и уставлять», а если что имеется к погибели и к умалению общего добра, то разрушать и искоренять это.

Далее Федор Алексеевич сообщил, что до его царского слуха дошли известия о некоей, любви, правду и мир терзающей ненависти, о делах, рождающих вражду и злобу, из-за которых военачальники, столь же благородные, как и прежде, «не возмощают над противным побед являти». «При давних убо предках Наших, Великих Государях Российского Царствия, — продолжил царь свою речь, — честных родов бояре и воеводы славные и достопамятные победы и одоления над многими неприятельскими полками показали, и таковым за Божьей помощью ратоборством велию тишину и мирное пребывание Христианскому множеству приносили, но понеже злокозненный плевелосеятель и супостат общий дьявол, видя от такового славного ратоборства Христианским родам тишину и мирное устройство, а неприятелям Христианским озлобление и искоренение, всеял в незлобливые преждебывших тогда славных ратоборцев сердца местные случаи возлюбить, от которых в мимошедшие времена в ратных и посольских и во всяких делах чинилась великая пагуба, и ратным людям от неприятелей великое умаление»¹.

Указав на дьявольскую природу местничества, Федор Алексеевич напомнил собору, что его дед Михаил Федорович и отец Алексей Михайлович старались искоренить сей вредоносный для государства обычай и неоднократно издавали повеления, дабы ратные люди были без мест, а тех, кто, презрев их государские повеления, «вчинали тогда места», подвергались разорению «отъятием поместий их и вотчин»². При этом царь отметил, что и он, следуя благому намерению своих предков, заботился о том, чтобы совершенно искоренить местничество и тем «ратное управление и в иных государственных делах устройство, для общей высоких и меньших чинов всего своего царствия пользы, лучше и добрее постановить»³. Свою речь Федор Алексеевич закончил заявлением о том, что ныне настало время дать этому намерению «пристойное определение». После этого он обратился к патриарху Иоакиму с пожеланием, чтобы и он высказал мне-

¹ 1-ПСЗРИ. Том 2. № 905. С. 371–372.

² Там же. С. 372.

³ Там же.

ние — быть ли всем разрядам и чинам без мест, или по-прежнему быть с местами.

Патриарх в своем выступлении показал, что местничество, сея вражду не только между различными родами, но и внутри одно и того же рода, противоречит заповедям Христовым. Вместе с тем он завел царя, что будет вместе со всем духовенством «соборне и келейнее приносить ко всемогущему Богу молитвы и моления», дабы тот всемогущий Господь Бог соблаговолил привести царское намерение «к совершению, чтоб от того любовь сохранялась и в человеческие сердца вкоренялась» и царствие российское «мирно строилось»¹.

Выслушав речь патриарха, государь предоставил слово боярам, чтобы и они чистосердечно донесли каждый свое мнение о том, как поступить с обычаем местничества. И все они с усердием объявили, чтобы государь указал «всем им во всяких чинах быть без мест»².

В ответ на это Федор Алексеевич заявил, что от сего времени повелевает своим боярам и окольным и думным и ближним и всяких чинов людям «в приказах и у расправных, и в полках у ратных, и у посольских, и везде у всяких дел быть всем меж себя без мест, и впредь никому ни над кем мимошедшими находами не возноситься, также и в попреках никого ничем не укорять и не попрекать, и в укоризну прежних дел, где кто был по воле государской в нижних чинах, или за скудостью, или за иным каким случаем, и в нижних чинах был, того ему в обличение не ставить, и никакими вымыслами никого ничем мимошедшими попреками не бесчестить»³. Для упрочения своего повеления царь указал предать огню все записи о местах.

Радостно приняв и благоохотно утвердив это царское повеление, собор возгласил: «Да погибнет в огне оное, Богом ненавистное, враждотворное, братоненавистное и любовь отгоняющее, местничество и впредь да не вспомняется веки!»

В тот же день книги, содержавшие записи о местах, были преданы огню. Об этом было немедленно доложено государю. По словам «Соборного деяния», Федор Алексеевич, «видя тому всему богоугодному делу совершение, возрадовался радостью велию зело (т. е. очень сильно. — В. Т.), и изволил Своих Государевых бояр и окольных и думных людей, за такое их благое дело, которым вражды пресечение

¹ 1-ПСЗРИ. Том 2. № 905. С. 374.

² Там же.

³ Там же. С. 375.

имать быть, милостиво похвалить»¹. В знак благодарности его величество разрешил дворянству иметь в своих домах заведенные в царствование Ивана Васильевича (Грозного) родословные книги и продолжать их в прежнем порядке. Одновременно царь повелел завести такие же книги и в Разрядном приказе, но с тем лишь условием, чтобы они не использовались для возобновления местнических споров.

Основное содержание «Соборного деяния об уничтожении местничества» завершалось повторением угрозы жестоких кар тем, кто в нарушение царского указа и повеления будет, ссылаясь на прежние записи мест, кого-либо бесчестить и попрекать. Таким людям обещалась от государя опала и разорение «безо всякой пощады».

После этой угрозы в тексте «Соборного деяния», опубликованного в «Полном собрании законов Российской империи», декларировалось: «А у стрелецких полков впредь быть полковникам, а головами им не зваться, а сотникам зваться капитанами»². Подобная декларация присутствовала и в том варианте «Соборного деяния», который был приведен в сочинении монаха Сильвестра «Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92».

В тексте же «Соборного деяния об отставках отеческих случаев и местничества», напечатанного в «Древней российской вивлиофике», данное установление отсутствовало. Вслед за угрозой карать нарушителей царского указа об отмене местничества опалой и разорением здесь сообщалось, что «Вышеписанное Соборное деяние Великий Государь Царь и Великий Князь Федор Алексеевич, всея Великой и Малой и Белой России Самодержец, изволил утвердить Своей Государевой самодержавной рукой сице: Божией милостью, Царь и Великий Князь Федор Алексеевич, всея Великой и Малой и Белой России Самодержец, в утверждение сего Соборного деяния и в совершенное гордости и проклятых мест в вечное искоренение, моей рукой подписал»³.

Текст «Соборного деяния», опубликованный в «Полном собрании законов Российской империи», завершался сообщением о том, что ниже государя этот документ подписали: «Иоаким, Божией ми-

¹ 1-ПСЗРИ. Том 2. № 905. С. 376.

² Там же. С. 378.

³ Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российской касающихся. Часть 17. М., 1791. С. 448–449.

лостью, Патриарх царствующего Великого града Москвы и всея России, митрополиты, архиепископы, архимандриты, бояре, окольничие, думные дворяне, думные дьяки, стольники комнатные, выборные: стольники, генералы, полковники рейтарские, полковники пехотные, стряпчие, дворяне и жильцы»¹.

В варианте «Соборного деяния», воспроизведенного «Древней российской вивлиофикой», приводились имена всех людей, его подписавших. Помимо царя и патриарха это были: 6 митрополитов, 2 архиепископа, 3 архимандрита, 40 бояр, 1 кравчий (Иван Григорьевич Куракин), 25 окольничих, 1 постельничий (Алексий Тимофеевич Лихачев), 1 казначей (Михайло Тимофеевич Лихачев), 1 чашник (Семен Иванович Языков), 19 думных дворян, 10 думных дьяков, 23 стольника комнатного. К категории «выборных людей» среди подписавших «Соборное деяние об уничтожении местничества» относилось 37 человек. Среди них было 23 стольника, 2 генерала, 4 пехотных полковника, 3 стряпчих, 4 дворян и 1 жилец (Иван Иванов сын Милюков).

Историк Иван Никитич Болтин (1735–1792) писал об этой форме царя Федора Алексеевича: «Уничтожением местничества уничтожено бесчестное и вредное право присвоять себе почести и чины без заслуг и достоинств и от того происходящие распри и ненавидения между вольмож и даже между однородцев, наносящие вред обществу благу и в делах государственных неустройство, медленность, упущение. Порода тогда занимала место достоинств и способностей: заслуги отца или деда напыщали *гордостию недостойного* сына или внука и отнимали от него охоту учиться, трудиться и радеть о доставлении себе отличия. Упразднением сего смеха достойного тщеславия ободрена служба, возвращено достоинству принадлежащее ему предпочтение, а заслугам — почесть; пресечены все злоупотребления преимуществ, привязанных к породе»². В действительности местничество не исчезло сразу после принятия «Соборного деяния» о его уничтожении. В. Н. Татищев, отметив, что Федор Алексеевич «весьма оное хотел искоренить и для того книги случайные велел пожечь», добавил к этому: «Но оное было только на словах, а на деле никто никому места уступить не хотел. Как и приклад

¹ 1-ПСЗРИ. Том 2. № 905. С. 378–379.

² Цит. по: [Голиков И. И.] Дополнение к Деяниям Петра Великого. Том 3. М., 1790. С. 187–188.

явился, что тот, кто в комиссии первым был, князь Голицын, вскоре потом сделал, что все знатные роды с собою в товарищи писал, а своего рода ни с кем написать не хотел. И сим не только всех посторонних, но и своих Голицыных, дядьев родных, озлобил, поскольку князя Михаила Андреевича меньшим себе сделал, послав его в Белгород воеводою, а сам был в большом полку, которое немалою причиною несчастью его почитали. И таким образом оное до времен его императорского величества Петра Великого осталось, который с основания оное местничество искоренил и полному забвению предал»¹.

* * *

По всей видимости, отмена местничества мыслилась Федором Алексеевичем в качестве меры, призванной открыть путь для всеобъемлющей реформы системы государственной службы. На это указывает прежде всего проект устава о служебном старшинстве бояр, окольных и думных людей по тридцати четырем степеням, составленный примерно в конце 1681 – начале 1682 года или вскоре после принятия «Соборного деяния об уничтожении местничества».

Данный проект устанавливал деление государственных чинов на 34 степени и соответственно создание новой служебной иерархии. Его составителем было, скорей всего, лицо духовного звания, знавшее систему государственной службы Византии. На это указывает прежде всего тот факт, что наряду с русскими названиями должностных лиц в тексте документа приводятся соответствующие им наименования должностей византийского государственного управления.

Предписанная проектом должностная иерархия предполагала отмену местничества и обособление гражданских чинов от военных.

Главной функцией чиновника *первой* степени был надзор над судьями. В проекте о нем говорилось следующее: «*Болярин*, а с ним нашего ж царского величества бояр и думных людей дванадцать лиц; гречески ж именуется той боярин *доестик феметом*², сиречь предстатель и рассматритель над всеми судьями царствующего града Москвы, или *дикеофилакс*. И тии все дванадцать заседателей в нашей Царского Величества к тому устроенной Полате должны всегда пребывать и испытанно ведати, чтоб всякий судья исполнял нашего

¹ Татищев В. Н. Царство царя Федора Алексеевича. С. 851.

² В подлиннике рассматриваемого проекта напротив греческих слов, писанных русскими буквами, были начертаны соответствующие им слова на греческом языке.

Царского Величества повеление и грацкой суд праведно и рассудительно; аще либо кого неповинно осудили и той боярин с товарищи своими должен того дела рассмотреть и беспомощного избавити от неправды по правде его от руки сильного; а судии чинить указ смотря по его вине, дабы всяк неправдою обидимый избавлялся их прилежным в Полате рассмотрением и никто б обидим силою не был»¹.

Чин *второй* степени был военным. Он именовался как «*боярин и дворовый воевода*», а по-гречески — «*севастократор*» или «*критису фусат*». Функциями этого должностного лица были, согласно проекту, охрана «со всяким усердием и неусыпным промышлением» государственного здоровья, обеспечение царских ратей оружием, хлебными и воинскими припасами, воспитание в русских воинах «здорового о всем рассуждения», забота о том, чтобы они не испытывали ни в чем недостатка.

К *третьей* степени был отнесен чин «*боярина и наместника Володимерского*». В служебной иерархии он стоял выше всех других наместников, что особо подчеркивалось его местом в Боярской думе. Рассматриваемый проект устанавливал, что «сей наместник между иными наместниками имеет первоседание»². Это означало отход от существовавшей прежде традиции, согласно которой бояре занимали места в Думе по знатности своих родов. Г. К. Котошихин писал о такой традиции: «И как царю лучится сидети с теми бояры и думными людьми в Думе о иноземских и о своих государственных делах, и в то время бояре и окольные, и думные дворяне сядятца по чину, от царя поодаль, на лавках; бояре под боярами, *кто кого породю ниже, а не тем, кто выше и преж в чину*; окольные под боярами, против того ж; под окольными думные дворяне потому ж, *по породу своей, а не по службе*; а думные дьяки стоят...»³ (курсив мой. — В. Т.).

Чин *четвертой* степени был назван «*боярин и воевода Северского разряду*». Носитель его имел свое пребывание в Севске и должен был охранять юго-восточные рубежи Российского государства. Это был военный чин: в распоряжении «боярина и воеводы Север-

¹ Проект устава о служебном старшинстве бояр, окольных и думных людей по тридцати четырем степеням, составленный при царе Феодоре Алексеевиче // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачовым. 1850. Кн. 1. Отделение 2. С. 24.

² Там же. С. 25.

³ Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. М., 2000. С. 45.

ского разряду» находились отряды ратных людей, всегда готовых к отпору неприятелю.

Чином *пятой* степени считался «*болярин и наместник Новгородский*». В царских палатах ему надлежало иметь среди наместников «второседание», то есть второе место вслед за наместником Владимирским.

К *шестой* степени был отнесен чин «*болярина и воеводы Володимерского разряду*». В отличие от чина третьей степени — «*болярина и наместника Володимерского*», данный чин был военным: его носитель командовал войсками и должен находиться в готовности без промедления выступить в военный поход, если будет на то приказ царя.

Чином *седьмой* степени был назван в проекте устава о служебном старшинстве бояр «*болярин и наместник Казанский*». В царских палатах он имел среди наместников «третье седение».

Чином *восьмой* степени был объявлен «*болярин над пехотою*». В качестве греческого эквивалента этого наименования было приведено словосочетание «*мегас стратопедархис*».

«*Болярин над конною ратию*» был приписан проектом к *девятой* степени. Для этого чина приводилось также греческое название — «*стратопедархис тон монокаваллон*».

«*Болярин и дворецкий*» (по-гречески: *мегас доместикос*) был представлен в качестве чина *десятой* степени. Главные функции этого должностного лица, перечисленные в рассматриваемом проекте, состояли в том, чтобы готовить государскую трапезу, указывать дворовым чинам, «кому, где и в каком поведении бытии достойно и во всяких поведеньях дворовых остерегательну». Кроме того, на «*болярина и дворецкого*» возлагалась задача обеспечивать царский дворец всем необходимым, а во время приезда иностранных послов указывать, кому какое место занимать.

На *одиннадцатую* степень был возведен чин «*болярина и наместника Астраханского*». Проект устанавливал, что меж наместниками он имел в царских палатах четвертое место.

К *двенадцатой* степени относился военный чин «*болярина и воеводы Новгородского разряду*». Главной функцией его носителя была охрана границ Российского государства.

«*Боляре и наместники*» других местностей и «*бояре и воеводы*» иных разрядов были расставлены проектом по степеням с 13-й по 16-ю, с 18-й по 24-ю и с 26-й по 29-ю.

К *семнадцатой* степени был отнесен чин «*болярина и оружейничего*». Проект давал следующее определение этой должности: «*Болярин*

и оружейничий то есть, что устроляет в нашей Царского Величества Оружейной Палате всякие государские воинские брони, что употребляем мы, Великий Государь, наше Царское Величество, в воинское время против неприятеля. Еще ж то его должность, чтоб всего нашего государства рейтарские и пехотные полки устроены были всяким ратным устройением, что к воинскому делу належит, и в нашей бы Царского Величества казне всяких воинских припасов было в запасе излишнее»¹.

К *двадцать пятой* степени был причислен рассматриваемым проектом «*обоих сторон Днепра гетман*» Иван Самойлович. При этом указывалось, что он имеет свое пребывание, со всем Запорожским войском, в городе Батурине и находится всегда в готовности воинской там, где ему великий государь повелит.

К *тридцатой* степени был приписан чин *кравчего*. В проекте приводилось его греческое наименование — *куропалат* и отмечалось, что по государственной милости он имеет место в царских палатах между бояр и окольничих. Во время же трапезы царя с боярами, окольничими, думными людьми и послами иностранных государств кравчий должен был стоять у стола и неотступно пребывать перед лицом его величества.

Чином *тридцать первой* степени был назван в проекте «*начальник над чашиками*» (по-гречески: «*епикерн*»), то есть над слугами, разносящими чаши с винами во время царского обеда.

К *тридцать второй* степени были отнесены 20 окольничих и наместников (вологодский, костромской, коломенский, дорогобужский и др.).

В *тридцать третью* степень был поставлен «*постельничий*» (по-гречески: «*протоветиарий*»). Проект называл его первым казне его царского величества хранителем, поскольку он в своем хранении ведал государевы одежды и всякие многоценные вещи, необходимые его величеству.

К последней, *тридцать четвертой*, степени были отнесены проектом устава о служебном старшинстве бояр, окольничих и думных людей 20 думных дворян и наместников (шацкий, алаторский, каргопольский, муромский, калужский, звенигородский и т. д.), а также

¹ Проект устава о служебном старшинстве бояр, окольничих и думных людей по тридцати четырем степеням. С. 28.

«печатник» (хранитель царской печати) и «думный дьяк» государственных посольских дел¹.

Очевидно, что приведенный проект представлял собой всего лишь начальный вариант устава о служебном старшинстве бояр, окольничих и думных людей. Если бы он поступил на обсуждение в Боярскую думу, то, несомненно, подвергся бы изменениям. Однако уставовленные этим документом обособление гражданских чинов от военных и правило, по которому места в Думе должны были определяться не породой, а чином, отражали требование времени и вряд ли были бы отвергнуты. Без этих нововведений состояние государственного управления в тогдашней России не могло быть улучшено.

Реформа государственной службы, которую готовился провести Федор Алексеевич, имела еще одно важное значение: она была призвана придать служебным чинам действительное содержание. В течение XVI — первой половины XVII веков многие из них оказались обособленными от должностей, которые обозначали, то есть превратились в почетные звания — титулы, не дававшие сами по себе власти. Князь Иван Федорович Овчина-Телепнев-Оболенский, служивший царю Василию Ивановичу и затем его вдове великой княгине Елене (Глинской), которая правила государством в период малолетства царя Ивана Васильевича, имел чин конюшого и звание наместника Володимерского. При этом на самом деле он не был наместником города Владимира. Конюший Борис Федорович Годунов носил в царствование Федора Ивановича чин наместника Казанского, но по должности наместником Казани не являлся. Лишенным реального содержания мог быть и чин дворецкого. Служивший царю Василию Ивановичу и затем его вдове великой княгине Елене князь Дмитрий Федорович Палетцкий носил чин «дворецкого Нижнего Новагорода»², но по должности таковым не был.

Разработанный в последний год царствования Федора Алексеевича проект устава о служебном старшинстве бояр, окольничих и думных людей предполагал, что чинам будут соответствовать конкрет-

¹ Проект устава о служебном старшинстве бояр, окольничих и думных людей по тридцати четырем степеням. С. 32–33.

² См.: Статейный список посольских сношений Польского короля Сигизмунда и Литовской рады с Московским великим князем Иоанном Васильевичем и думными боярами, во время его малолетства. 1633–1538 // Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Том 2. 1506–1544. СПб., 1848. С. 302.

ные должности и что именно чин, а не происхождение, будет определять статус лица, состоящего на государственной службе.

* * *

В последний год царствования Федора Алексеевича был составлен еще один весьма значимый для дальнейшего развития Российского государства документ — законопроект об учреждении в Москве училища по чину Академии. В «Историческом известии о Московской академии» Федора Поликарпова возникновение у Федора Алексеевича мысли о создании этого училища связывается с беседой его величества с иеромонахом Тимофеем, состоявшейся в 1679 году. В течение нескольких лет Тимофей путешествовал по святым местам в Палестине и потом некоторое время пребывал в святогорских монастырях на Северском Донце. При встрече с государем иеромонах рассказал ему о притеснениях, которые были вынуждены терпеть православные люди, жившие в Христовых местах, об упадке свободных греческих наук, необходимых для усвоения православного богословия. По словам Федора Поликарпова, благочестивый царь, услышав это, «сердцем вельми умилится» и божественным огнем по благочестию был воспален. Он возжелал умалюемые в Палестине греческие науки «насадить и умножить» в Москве. Призвав к себе патриарха Иоакима, царь попросил его учинить греческое училище, поручив его Тимофею. Патриарх с радостью взялся за дело. Тимофей был принят на службу в Московскую патриархию крестовым священником. Для устройства училища были отведены три верхних палаты в типографии. Собрав 30 детей разных чинов, патриарх велел мирянину греку Мануилу обучать их греческому языку, а Тимофея поставил в качестве ректора надзирать над ними. А царь тем временем обратился к Вселенскому патриарху с просьбой прислать в Москву «учителей православных, в греческом и латинском диалектах и во всех свободных науках искусных, паче же свидетельствованных в вере и догматах греческого закона»¹.

¹ Историческое известие о Московской Академии, сочиненное в 1726 году от спращика Федора Поликарпова и дополненное преосвященным епископом Смоленским Гедеоном Вишневым // Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российской касающихся, изданная Николаем Новиковым, членом Вольного Российского собрания при Императорском Московском университете. Издание второе. Часть 16. М., 1791. С. 297.

В сентябре 1681 года был составлен проект царской «Привилеи (Привилегии)», призванной узаконить статус Академии греческих наук¹. Составителем этого документа был, по всей видимости, монах Сильвестр (Медведев)². Во всяком случае, именно он представлял «Привилею» Федору Алексеевичу на утверждение, именно он вручал ее царевне Софье 21 января 1685 года³.

Учреждение в Москве Академии представлялось в «Привилее» в качестве деяния, совершаемого царем во исполнение царских должностей. Первой и величайшей среди них называлось «охранение восточной православной веры» и забота о ее расширении, а также «о благочинном государстве управлении и о защищении имети тщание»⁴. Родительницей же этих и прочих царских должностей объявлялась мудрость, «ибо оною, — подчеркивалось в «Привилее» Академии, — паче иных всех образов слава Божия умножается, православная наша восточная Вера от злокозненных еретических хитростей в целости сохраняется и расширяется; варварские народы богознанием просвещаются; иноверные царствия ко благоверию обращаются; правоверные же ко известнейшему познанию догматов Веры достигают и очищения совести хранити научаются. Тоюжде вся царствия благочинное расположение, правосудства управление, и твердое защищение, и великое распространение приобретают»⁵. При этом мудрость признавалась в «Привилее» способом познания в «вещах

¹ На эту дату указывают следующие слова, завершающие текст Привилегии: «Писана в царствующем нашем преименитом и богоспасаемом граде Москве, во время мира, в лето от создания мира 7190, а от воплощения Бога Слова 1682, месяца в день Индикта». Новый год в то время начинался 1 сентября. Этот день и считался днем Индикта. По Григорианскому календарю это было 10 сентября 1681 г.

² В исторической литературе автором текста Привилегии Академии считается Симеон Полоцкий (см.: *Смирнов С. К. История московской славяно-греко-латинской академии*. М., 1855. С. 15).

³ См.: Вручение Благоверной и Христолюбивой великой Государыне, премудрой Царевне, милосердной Софии Алексиевне, привилегии на Академию в лето от создания мира 7193, а от воплощения Бога Слова 1685, месяца Ианнуария в 21 день // Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российской касающихся, изданная Николаем Новиковым, членом Вольного Российского собрания при Императорском Московском университете. Издание второе. Часть 6. М., 1788. С. 390–397.

⁴ Привилегия Московской Академии // Древняя российская вивлиофика. Часть 6. С. 399.

⁵ Там же.

гражданских и духовных» злого и доброго, источником всех благих даров людям от Бога.

Ради познания мудрости и учреждалась в Москве Академия. «И благоволим, — заявлял царь в своей «Привилее», — в царствующем нашем и богоспасаемом граде Москве при монастыре премудрости и смысла подателя Всемилоственного Спаса, иже в Китае на песках¹, нарицаемом *Старый*, на взыскание юных свободных учений мудрости и собрания общего ради от благочестивых и в писании божественном благоискусных дидаскалов, изошрения разумов, храмы чином Академии² устроить; и во оных хотим семена мудрости, то есть науки гражданские и духовные, наченше от грамматики, пиитики, риторики, диалектики, философии разумительной, естественной и нравной, даже до богословии учащей вещей божественных и совести очищения постановити. При том же и учению правосудия духовного и мирского, и прочим всем свободным наукам, ими же целость Академии, сиречь училищ, составляется бытии»³.

Из этого заявления видно, что учебная программа Академии предполагала изучение, помимо богословия, широкого круга светских гуманитарных наук, в том числе светской юриспруденции.

Царской «Привилеей» создавалась для этого учебного заведения довольно солидная материальная база. Ему передавался Спасский монастырь, «иже во граде, близ Неглинных врат»⁴ с землями подле него, а также Богословский монастырь в Переславле на Рязанщине, Андреевский и Даниловский монастыри на Москве-реке, Стромынский Троицкий монастырь в Московском уезде, Николаевский Песножский и Борисоглебский монастыри, да Медведева пустынь с крестьянскими дворами и земельными угодьями в Дмитровском уезде, «да в Чугуеве на Опаковке колодези» пасечное пустое место со всеми угодьями и землею. Кроме того, Федор Алексеевич пожаловал учреждавшейся Академии в вечное пользование царскую дворцовую Вышегородскую волость, в Верейском уезде, со всеми крестьянскими и бобыльскими дворами и со всеми угодьями и с мельницами, пустошь в Боровском уезде в Лавышеском стане, пустошь Пашково, пустошь Зайцово, пустошь Насоново на реке Мелюшевке, пустошь

¹ То есть в Китай-городе.

² Так в тексте Привилегии.

³ Привилегия Московской Академии. С. 401–402.

⁴ Там же. С. 403.

Комуково на реке на Суходоле, пустошь Насина на Суходолеже, пустошь Гондурово на реке на Луже, расположенные на той же реке пустошь Немцово малое и пустошь Немцово большое.

В дополнение к этой материальной поддержке Академии царь дозволил «всякого чина людям, хотящим ради славы Божьей и душ своих спасения», делать благотворительные взносы на пропитание и одежду ученикам.

Царская «Привилея» предписывала быть в Академии «блюстителю и учителям, благочестивым и от благочестивых родителей рожденным, и воспитанным во православной христианской восточной вере российского и греческого народа»¹.

На обучение в Академию царь указывал принимать людей всякого чина, сана и возраста, но только православной веры. При этом его величество предписывал преподавать здесь лишь науки, одобренные церковью².

Учреждая Академию, Федор Алексеевич одновременно вводил запрет на обучение в Москве в своих домах «греческому, польскому и латинскому и прочим странным языкам без ведомости и повеления училищ блюстителя и учителей», предписывал не держать домашних учителей и детей своих не учить, кроме как «в сем едином общем училище», дабы «от разных домовых учителей, паче от иностранных и иноверных», не вносилось в общество какой-либо «противности православной вере и не возникало разногласия»³. За нарушение этого указа царь грозил жестокими наказаниями. «Аще же кто дерзнет сие наше Царское повеление приобидити, — заявлял государь в «Привилее» Академии, — и оному да мстити наше Царское правосуждение на его имени, яко преступнику нашего Царского повеления»⁴.

¹ Привилегия Московской Академии. С. 405–406.

² Дословно в царской Привилегии по этому поводу говорилось: «Сему нашему от нас, Великого Государя, устроенному училищу бытии общему и всякого чина, сана и возраста людям, точию православной христианской восточной веры приходящим ради научения, без всякого зазора свободному, в нем всякия от церкви благословенные благочестивые науки да будут. А от церкви возбраняемых наук, наипаче же магии естественной и иных, таким не учите, и учителей таковых не имети. Аще же таковые учителя где обрящутся и оные со учениками, яко чародеи, без всякого милосердия да сожгутся» (Там же. С. 408).

³ Там же. С. 409.

⁴ Там же.

Вместе с тем Федор Алексеевич брал под защиту учеников учреждаемого им училища, в особенности проявивших усердие в учебе, в тех случаях, когда обнаруживалось, что на них лежат отцовские долги или вина за совершение каких-либо незначительных правонарушений. Царской «Привилеей» было установлено следующее правило: «Аще же на которых учениках, того училища записанных, паче же наиприлежно учащихся, объявится на их лицах долги отцовские, а заплатить им будет нечем, или иные какие вины, и в тех винах разве убийственных, и иных великих дел, донеле же имут они во учении пребывати, суда на них самих не давати, ради препятія науки»¹. Ученики, совершившие преступления, кроме убийства и других тяжких деяний, подлежали суду не в приказах, а в самой Академии. Судьями по таким делам выступали блюститель Академии и учителя, а приговор утверждался государем. Если же ученик совершал убийство или другое тяжкое преступление, то дело его должно было рассматриваться обыкновенным порядком, то есть в приказах, но с ведома блюстителя.

Наряду с этим царская «Привилея» предусматривала особый порядок суда над блюстителем Академии и учителями, совершившими какие-либо проступки. Так, если блюститель Академии преступал церковное предание в своих речах или делах, то его судили учителя в присутствии представителей царя и патриарха. Если же из учителей кто-либо впадал в такое же или иное прегрешение, то он судился коллегией, состоявшей из блюстителя и учителей Академии. Но приговор такого суда вступал в силу только после того, как государь, посоветовавшись с патриархом, утвердит его.

С другой стороны, царь обещал поощрять учителей Академии, не совершавших никаких правонарушений и добросовестно относившихся к своим обязанностям, заявляя в своей «Привилее»: «А которые в том нашем училище учителя труд свой в научении юных явят прилежный, и время довольное в том потруждаются, и те за оный их подъятый труд, ради их к старости успокоения, пожалованы будут, за свидетельством блюстителя и учителей, за их труды нашим особым достойным трудам их жалованьем»².

Достойное вознаграждение и возведение в приличные чины обещал Федор Алексеевич и тем трудолюбивым учащимся, которые будут прилагать старание в исследовании различных диалектов славян-

¹ Привилегия Московской Академии. С. 409.

² Там же. С. 411.

ского, древнегреческого, польского и латинского языков. Дословно в «Привилее» говорилось об этом следующее: «Аще же которые люботруднии отроцы сего предрагого сокровища, то есть мудрости, по грамматической хитрости и прочих наук свободных, аки из недр земли злата, из различных диалектов писаний, наипаче же славенского, еллино-греческого, польского и латинского потщатся изыскивати прилежно; и оным за их в науках тщание, за свидетельством училищ блюстителя и учителей, от нас, Великого Государя, имать бытии достойное мздовоздаяние. А по совершении свободных учений имуть бытии милостиво пожалованы в приличные чины их разуму, и наше царское особе воспримут, яко мудрые, щедрое милосердие»¹.

При этом царь заявлял, что в государственные чины — в стольники, в стряпчие и прочие — благородные будут жаловаться им *«ни за какие дела, кроме учения»*, и *«явственных»* военных и иных государственных заслуг, способствующих усилению государственной власти и расширению государства.

«Привилеей» допускалось преподавание в Академии иностранных ученых. Но для этого каждый из них должен был сначала получить свидетельство о своей пригодности к преподавательской деятельности в русском учебном заведении от блюстителя и учителей Академии. Иностраный ученый мог стать преподавателем Академии только в том случае, если в его учениях письменных и устных не было ничего противного православной вере и церковным преданиям.

Содержание царской «Привилеи» учреждавшейся в Москве Академии показывает, что это училище мыслилось в качестве их оплота в стране. Хранение же православной веры и церковных преданий в рамках самой Академии возлагалось царем на блюстителя и учителей.

Федор Алексеевич утвердил своей подписью этот документ², но смерть не позволила ему осуществить план создания в Москве на его основе духовно-светской академии — учебного заведения университетского типа, обладающего солидной материальной базой и рядом присущих западноевропейским университетам привилегий.

Содержание утвержденной царем Федором Алексеевичем «Привилеи» показывает, что он придавал образованию государственное значение. Учебное заведение было для него не только инструментом

¹ Привилегия Московской Академии. С. 411.

² См.: [Голоков И. И.] Дополнение к Деяниям Петра Великого. Том 3. С. 188.

развития наук, но и средством воспитания молодых людей в духе приверженности к своему отечеству и отеческой вере.

Оценивая усилия Федора Алексеевича, направленные на создание в России системы государственного образования, митрополит Московский Платон¹ писал: «От сего благоразумного государя все просвещение и поправление происходило не вдруг; но помалу и соображением свойства народа, что все было бы еще тверже и надежнее, яко он основывал то на благочестии и утверждал своим благочестивым примером»².

* * *

Подобный характер имели все реформы, предпринятые Федором Алексеевичем. За несколько лет своего царствования он успел совершить то, что другие властители неспособны были сделать и за несколько десятилетий. Особенно плодотворным являлся последний год его государственной деятельности. Помимо мер по совершенствованию государственного управления, улучшению организации армии и развитию просвещения в России, молодой царь готовил земельную реформу³, налоговую реформу⁴, приступил к осуществлению епархиальной реформы⁵.

¹ В миру — Петр Георгиевич Лёвшин (1737–1812).

² Краткая церковная история, сочиненная Преосвященным Платоном, Митрополитом Московским. М., 1805. Том 2. С. 266.

³ И. И. Голиков писал, подводя итоги царствованию Федора Алексеевича: «Он предпринял было во всем государстве измерять и размежевать земли, дабы доставить тем спокойное каждому помещику владение землями, и пресечь единожды и навсегда споры и тяжбы об оных, и повелел уже сочинить о сем наказ, но смерть его между тем последовавшая оное остановила» ([Голиков И. И.] Дополнение к Деяниям Петра Великого. Том 3. М., 1790. С. 193).

⁴ По словам историка А. П. Богданова, суть данной реформы «сводилась к тому, чтобы вместо многочисленных прямых налогов собирать один — стрелецкие деньги, разверстывая платежи по дворам — *«по животам (имуществу) и по промыслам»* их владельцев (а не по площади и качеству пахотной земли, как встарь). Государство шло навстречу пожеланиям посадских и волостных „миров“ и устанавливало только общую сумму — ту часть планируемого государственного дохода, которую следовало собирать с местности — а уж тяглое население само делило ее по дворам, в зависимости от состоятельности владельца» (Богданов А. П. В тени Великого Петра. М., 1998. С. 92).

⁵ См.: Именной указ с патриаршим приговором от 27 ноября 1681 года «О именовании архиереев по степеням и о придании Патриарху и в каждую епархию подвластных епископов; с показанием монастырей и количества дворов, назначенных

Кроме того, была разработана и начала осуществляться на практике система мер по социализации убогих и нищих. Федор Алексеевич повелел своим указом «О призрении убогих и уменьшении нищих», изданным осенью 1681 года¹, «построить две шпитальни или богодельни: одну в Знаменском монастыре, что в Китае (т. е. Китай-городе. — В. Т.), а другую — в Гранатном дворе, что за Никитскими вороты». При этом государь позаботился о материальном обеспечении этих учреждений, отдав им вотчины, которые были за Архангельским владыкой и за Знаменским монастырем. Этими мерами его величество хотел добиться, «чтобы впредь по улицам бродящих и лежащих нищих (меж которыми притворные воры, и всем здоровы и работать могут) не было»². Достижению данной цели Федор Алексеевич придавал нравственно-религиозное и государственное значение, о чем свидетельствуют следующие слова его указа: «Таковым великим государям, где бедные и старые люди, которые никакой работы работать не могут, а наипаче же служилого чина, которые тяжкими ранами на государевых службах изувечены, а приюту себе не имеют, и должно по смерть их кормить, за такое благое дело после-

для их содержания» // 1-ПСЗРИ. Том 2. № 898. С. 362–366. Также см.: Соборное постановление по предложениям Царя, об учреждении новых епархий, о предании раскольников градскому суду, о церковном и монастырском благочинии, о исправлении Чиновной книги, о хранении ризы Господней и святых мощей, о призрении нищих и воспрещении строить новые пустыни и продавать разные выписи из книг Божественного Писания и пр. // Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Том 5. 1676–1700. СПб., 1842. С. 108–118.

¹ В книге В. Н. Берха «Царствование царя Федора Алексеевича и история стрелецкого бунта» (часть 2. СПб., 1835. С. 86) данный указ датируется 1682 годом. Однако есть основания полагать, что он был издан осенью 1681 года, поскольку об этом указе есть упоминание в принятом в ноябре 1681 года «Соборном постановлении по предложениям Царя». Здесь говорится, в частности: «По его, Великого Государя Царя и Великого Князя Феодора Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья России Самодержца, указу, в царствующем его, Великого Государя, граде Москве о нищих рассмотрение учинено и велено их разобрать, и странных и болных держать в особом месте, со всяким доволством, от его Государевы казны: и чтоб великий господин святейший Иоаким, Патриарх Московский и всеа России, изволил и преосвященным митрополитам и архиепископам приказал потомуж и во градах учинить пристанище нищим, чтоб нищие не скитались без призириания и ленивые б, имеющие здравие телесное, пристали к работе» (Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Том 5. 1676–1700. СПб., 1842. С. 116).

² Указ царя Федора Алексеевича о призрении убогих и уменьшении нищих // Берх В. Н. Царствование царя Федора Алексеевича и история стрелецкого бунта. Часть 2. СПб., 1835. С. 86–87.

дует от господина Бога временное и вечное благословенство. И не за которые дела не обещал вечной дати живот, точию за творящим милость к бедным, как сам Господь повелевает: *милости творите паче, нежели жертвы*. И такое государство бывает от всяких наветов соблюдается, как псаломник глаголет: *блажен разумеваея на нища и убоги, в день люта избавит его Господь*¹.

Содержание Указа «О призрении убогих и уменьшении нищих» показывает, что молодой царь стремился этой мерой оздоровить народ. «А когда такие увечные люди будут от бродящих притворных нищих разобраны и ходить им по улицам возбранится, — говорилось в данном указе, — тогда те здоровые нищие, также и дети их (которых множество великое по улицам бродит, и ни к чему их не учат, а возрастут, кроме воровства от таких бродящих людей не возможно быти) принуждены будут хлеб свой заживать работою или каким ремеслом к общенародной пользе, потому что всякая праздность не приводит человека к иному, точию к злым делам и воровству»².

Федор Алексеевич проявлял заботу и о том, чтобы избавить нищих от болезней. «А для лечьбы их во всякой нужде, — гласил царский указ, — надобно, чтоб у них был приставлен дохтур, аптекарь да лекарей человека три или четыре с учениками и аптека небольшая, для того, что со всяким рецептом ходить в город неудобно. А лекарства можно про них держать недорогое, однако ж пользу будут чинити»³.

Помимо этих мер предполагалось создать специальные дворы для обучения детей нищих разным ремеслам — «какому кто похочет». Вместе с тем детей предлагалось отдавать в домашнее обучение к мастерам, а нищенствовавших девок — «по монастырям для учения ж». По достижении бывших нищих совершеннолетия и приобретении ими профессии, позволявшей прокормить себя с женою, они должны были отпускаться на волю, а для тех из них, кто женился, допускалась даже возможность покупать за счет государства дворы для ведения хозяйства. Молодой царь считал, что подобные меры принесут благо не только им, но и государству. «И от таких людей и впредь

¹ Берх В. Н. Царствование царя Федора Алексеевича и история стрелецкого бунта. С. 87.

² Там же. С. 88.

³ Там же. С. 92.

уже во граде прибыток, а воровства от таких опасаться нечего, потому что ему уже способ, чем сыту быть дан»¹.

* * *

В «Полное собрание законов Российской империи» вошло 295 юридических актов, принятых в царствование Федора Алексеевича². Они отражают основные направления его законотворческой деятельности, но охватывают лишь малую часть изданных в его правление узаконений. Несколько сотен юридических документов этого царствования, оставшихся за рамками «Полного собрания законов», было напечатано в других изданиях³.

Наиболее значимые среди актов царствования Федора Алексеевича, опубликованных в «Полном собрании законов», относятся к категории «новоуказных статей». Они развивали нормы Соборного уложения 1649 года, и с точки зрения этих правовых установлений государственная деятельность Федора Алексеевича была в значительной мере лишь продолжением правления его отца. Однако если посмотреть на всю государственную деятельность Федора Алексеевича, то нельзя не прийти к выводу о том, что она была *реформаторской, преобразовательной* по своей сути. *Ею закладывались основы новой организации государственного управления в России и фундаментальные предпосылки для обновления русского общества в целом.* При этом очевидно, что Федор Алексеевич понимал закономерности государственной и общественной жизни явно лучше своего младшего брата (по отцу), вошедшего в русскую историю в качестве великого

¹ Берх В. Н. Царствование царя Федора Алексеевича и история стрельцкого бунта. С. 94.

² Первым среди них стала изданная 30 января 1676 года, Грамота в Володимир стольнику и воеводе князю Хованскому «О кончине Государя, Царя и Великого Князя Алексея Михайловича, и о восшествии на Престол сына Его, Государя, Царя и Великого Князя Феодора Алексеевича» (1-ПСЗРИ. Том 2. № 619. С. 1–3). Последним актом царствования Федора Алексеевича был Именной указ от 9 апреля 1682 года «О присоединении пустых погостов, которые в писцовых книгах не находятся, к церковным землям, ежели оные внесены в Патриаршие домовые книги и нет о них ни от кого спору» (1-ПСЗРИ. Том 2. № 913. С. 383–384).

³ См., например: Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Том 5. 1676–1700. СПб., 1842. С. 1–130; Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Том 7. СПб., 1859. Том 8. СПб., 1862. Том 9. СПб., 1875.

государя-реформатора, более бережно относился к русским традициям, чем он, был нравственно и умственно выше его, отличался по сравнению с ним более высокой образованностью. Обладая такими преимуществами, Федор Алексеевич мог своими реформами достичь более великих результатов, чем достиг Петр I, и при значительно меньшей трате общественных сил и меньших страданиях народа.

* * *

Смерть Федора Алексеевича на седьмом году его правления была огромной утратой для России. Это сполна осознавали в русском обществе. Недаром реакцией на нее со стороны его подданных была искренняя всеобщая скорбь.

Прах Федора Алексеевича был погребен в Архангельском соборе на следующий день после его кончины, то есть 28 апреля. Позднее напротив гроба была установлена доска с изображением царя в полный рост. По обеим сторонам этого портрета, в четырех местах, была нанесена следующая надпись:

«Сей, его же zde образ и гроб зрим, Благочестивейший Великий Государь Царь и Великий Князь Феодор Алексеевич всея Великия и Малыя и Белья России Самодержец, по отце своем великославной памяти Благочестивейшем Великом Государе Царе и Великом Князе Алексии Михайловиче всея Великия и Малыя и Белья России Самодержце, восприя скипетродержавство Царства Российского от рождения своего в 15 лето, бе от Царствующего всеми Царя Бога небесного, яко раб его любезный и по сердцу его избранный, одаренный постоянством Царским незыблемым, благоговейством Христианским истинным, бодростию к службе Божией, долготерпением и милосердием дивным, и в разноту рещи мощно, яко сей бе престол мудрости, совета сокровище, Царских и гражданских уставов охранение и укрепление, прениям решение, Царству Российскому утверждение, сокращеннее же реку, то ему любезно бяше, что мать нашу, православную церковь увеселяше мир, тишину и великое народу благополучие умножаше, и во всем его Царском житии не обретается такое время, в нем же бы ему всему православию памяти достойного и церкви полезного дела не соделати, к тому же неприятелем Российского Царствия бе страшен, в победах щастлив, народу любезен, сей от многолетних окрестных браней Царству Российскому мир достохвальный содела, из тьмы магометанства и идолопоклонства множество не нуждою, но Христианским благочестивым промыслом во

свете православной веры приведе, православных Христиан, иже бяху магометанам подданы, многие села и деревни от их подданства свободи, и из бусурманского плена много лет тамо страждущих многое число православных Христиан искупи, многия церкви Божия пречудне всяким благолепием украсив, о научении свободных мудростей Российского народа присно промышляше, и монастырь Спасский, иже во граде Китае, на то учение наменив, и чудную и весьма похвалы достойную свою Царскую утвердительную грамоту, со всяким опасным веры охранением, на то учение написа, дома каменные на пребывание убогим и нищим с довольным пропитанием содела, и оны упокояше, многия тысящи Царских многолетних доходов народу отдаде, и впредь дани облегчи, богоненавистные враждебные и междоусобные в местничествах брани прекрати, Царский свой дом и грады Кремль и Китай преизрядно обнови, многоубыточные народу одежды премени, и иная многая достохвальная и памяти достойная соделав, и на вся полезная и народу благопотребная предуготовлише вся пречудне со всяким Христианским душеспасительным ко исходу души свояя приуготовлением жизнь свою сконча, Царствова же сей Благочестивейший и милосердый Царь 6 лет и месяца два и дней 28, а от рождения своего всех лет поживе 21, месяца 3 и дней 28, преставишися от временного Царствия во присносущее и вечное блаженство, всего народа с жалостным рыданием и со многоизлиянием слезным в лето 7190 (1682) месяца априлия в 27 день, 13 часа дня в 1 четверти»¹.

Приводя в своей книге о деяниях Петра Великого данную надпись, И. И. Голиков счел необходимым заметить, что эти слова начертала любовь подданных к царю Федору Алексеевичу².

¹ О генеральном местоположении всей Царской фамилии, где и подле кого каждой гроб и какие на гробах надписи. В Московском Архангельском соборе // Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российской касающихся. Изданная Николаем Новиковым, членом Вольного Российского собрания при Императорском Московском университете. Издание второе, вновь исправленное, умноженное и в порядок хронологический по возможности приведенное. Часть 11. М., 1789. С. 229–231.

² [Голиков И. И.] Дополнение к Деяниям Петра Великого. Том 3. М., 1790. С. 197.